

КРИСТИНА ЮРАШ

ПРИГОВОРЕННАЯ
МУЖЕМ,
СПАСЕННАЯ И ОБМАНУТАЯ

Кристина Юраш

Приговоренная мужем.

Спасенная и обманутая

<https://litres.ru/74371667>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты всё равно сдохнешь от чумы. Бриллианты тебе больше не понадобятся.

Так сказал мой муж, прежде чем забрать мои украшения и приказать выбросить меня живой в чумной ров.

Но я не умерла.

Меня нашёл Чумной Доктор — мужчина, который спокойно ходит среди заражённых, сжигает трупы и считает сочувствие бесполезной тратой времени.

По всем его расчётам я должна была быть мертва.

Но почему-то всё ещё дышу.

Поэтому теперь я не спасённая женщина.

Я — его эксперимент.

Моя кровь нужна, чтобы создать лекарство. Моя магия способна спасти тысячи людей. А сам Доктор всё чаще называет меня своим «бесценным ингредиентом».

И только одного он мне не говорит.

Что именно он сделал со мной той ночью, чтобы я выжила.

Кристина Юраш

Приговоренная мужем.

Спасенная и обманутая

Пролог. Живая покойница

— Ты всё равно сдыхаешь от чумы. Бриллианты тебе больше не понадобятся. Поэтому не дергайся, — сообщил мой муж, Эйлар Эстмар, брезгливо оборачивая пальцы платком.

Я не сразу поняла, что он собирается сделать. Воздух в карете словно раскалился, а я не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть. Перед глазами всё поплыло.

Его ладонь потянулась к моему лицу, и внутри вспыхнула болезненная надежда. Мне показалось, что муж хочет проверить жар. Коснуться щеки. Хотя бы на мгновение забыть о болезни и вспомнить, что перед ним женщина, с которой он прожил счастливых семь лет.

Но пальцы, скрытые под батистом, легли на бриллиантовое кольцо.

Муж дёрнул.

Цепочка врезалась в шею. Камни впились в кожу, перед глазами потемнело, а из груди вырвался сиплый стон.

— Не надо, — попросила я, пытаюсь оттолкнуть его руку.
— Оно принадлежало моей матери.

— Не прикасайся ко мне, погань! Ты что? Хочешь меня заразить? — взревел муж, глядя на мою слабеющую руку.

Платок скользил по застёжке, пальцы не слушались, и это раздражало его всё сильнее. Он старался не касаться моей кожи даже через ткань. Наклонил голову, задержал дыхание и снова рванул кольцо.

Застёжка лопнула.

Бриллианты скользнули по ключицам. Оборванная цепочка оцарапала шею, но боли я почти не почувствовала. Всё внимание приковал белый платок, которым муж держал материнское украшение.

На ткани были вышиты его инициалы. Когда-то я заказала целую дюжину таких платков к годовщине нашей свадьбы. Теперь один из них защищал мужа от прикосновения к умирающей жене.

— Что ты делаешь? — прошептала я, прижимая ладонь к горлу. Под пальцами стало мокро. — Мы же едем к лекарю.

— Уже нет, — ответил муж, заворачивая кольцо в платок. — Уже поздно к лекарю... Поздно, слышишь? Ты сдыхаешь! Ты. Сдыхаешь!

Он не смотрел мне в глаза.

Спрятал бриллианты во внутренний карман сюртука, а потом потянулся к серьге.

Я отпрянула.

В висках застучала кровь, карета качнулась, хотя уже несколько минут стояла на месте. За распахнутой дверцей

виднелась раскисшая дорога и серое небо. Внутрь проникал холодный воздух, но муж продолжал тяжело дышать через второй платок, прижатый к лицу.

Он боялся даже моего дыхания.

— Сними сама, — потребовал муж, указывая на серьги.

— Быстрее.

Я попыталась поднять руки.

Пальцы дрожали и не слушались. Всё тело сотрясал озноб, под платьем было жарко, а по позвоночнику стекал холодный пот. Я коснулась застёжки, но ногти только скользнули по металлу.

— Не могу, — призналась я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. — Отстань от меня. Мне нужен лекарь...

Муж поморщился. Он снова обернул пальцы платком и ухватился за серьгу. Несколько раз попытался расстегнуть замок, однако батист мешал. Тогда муж просто дёрнул.

Боль обожгла ухо.

Я вскрикнула и прижала ладонь к разорванной мочке. Между пальцами выступила кровь, горячая и густая.

Эйлар резко отстранился. На его лице появилось такое отвращение, словно я намеренно пыталась испачкать его.

— За что? — выдохнула я.

Собственный голос показался чужим. Слабым, хриплым и уже почти мёртвым.

Муж посмотрел на окровавленный бриллиант, лежавший в складках платка.

— Я сказал не двигаться. Тебе уже всё равно, а мне они нужны! — произнёс он, рассматривая кровь на платке. Я чувствовала, как кровь течёт по моей шее и затекает под платок.

Ещё вчера он целовал эти серьги, когда помогал мне одеться к ужину. Ещё утром обещал, что мы непременно доберёмся до столицы и спрячемся там.

К вечеру он уже решил, что спастись будет без меня.

Глава 1

— Это всё ты виновата! Сама виновата! — произнёс он так, словно выплюнул эти слова. Голос, приглушенный платком, не скрывал своего отвращения. — Это ты заботилась о слугах! А я велел тебе их не трогать! Пусть сдыхают сами! Но нет! Ты сама полезла ухаживать за ними. Вот и получай!

— Но они же... тоже люди, — прошептала я, чувствуя, как перед глазами на мгновение померкло всё. — Неужели они не заслужили...

Я не успела договорить, чувствуя, как мне стало совсем дурно.

Чума пришла в наше поместье пять дней назад.

Первой заболела моя горничная. Девушка разбудила меня среди ночи и пожаловалась на холод. Её трясло так сильно, что она не могла удержать чашку. Я уложила её в постель, растёрла заledenевшие пальцы и послала конюха за лекарем.

Я старалась, берегла себя. Сделала маску из платка, надела на руки перчатки. Меняла одежду, которую потом выва-

ривали в кипятке.

К рассвету горничная начала кашлять кровью.

Днём на её шее проступили тонкие чёрные вены, а к вечеру она умерла.

Тело вынесли через заднюю дверь вместе с постельным бельём, одеждой и ковром, на который попали кровавые капли. Никто из слуг не соглашался подойти к ней, поэтому лекарю пришлось самому завернуть девушку в простыню.

Через день умерла повариха. Она держалась до последнего, пока не упала прямо посреди кухни. Я узнала об этом спустя полчаса, когда её выносили через чёрный ход. Пламя от огня освещало мои покои, а я старалась не смотреть, как в нём сгорают те, кто ещё недавно разговаривал со мной.

Следом заболели садовник, один из лакеев и дворецкий. Я выхаживала старого дворецкого, который верно служил семье много десятилетий. И он умер, сжимая мою руку. «Спасибо вам, госпожа!»

— Собирайся! Быстро! Мы уезжаем в столицу! В нашу главную резиденцию. Переждём заразу там! — приказал муж, разбудив меня рано утром.

Муж приказал погрузить в карету серебро, документы, дорожную одежду и всё, что можно было продать в случае необходимости. Оставшиеся здоровые слуги отказались ехать с нами. Даже лошадей пришлось закладывать нанятому в соседней деревне кучеру.

— В столице безопасно, — уверял муж, когда карета по-

кидала поместье. — Там королевские маги и лучшие лекари. Мор не доберётся за городские стены. Его попросту не пропустят... Я уверен, что его величество уже держит ситуацию под контролем. Главное — успеть до того момента, пока не закроются главные ворота столицы. Главное — успеть.

Он повторял эту фразу, как заклинание. А потом укутал мои ноги пледом и держал меня за руку всю дорогу.

Тогда меня уже знобило. Я ничего не сказала.

Боялась, что муж прикажет отложить поездку и столица закроет ворота прежде, чем мы успеем спастись.

Всю дорогу я старалась не кашлять. До боли сжимала горло, отворачивалась к окну и прикусывала губу каждый раз, когда из груди поднимался новый приступ.

Но скрывать болезнь долго не получилось. Я закашлялась в нескольких милях от столицы.

Когда убрала платок от губ, на белом батисте алела кровь.

Муж выпустил мою руку. Медленно отодвинулся на противоположное сиденье, достал платок с вышитыми инициалами и прижал его к носу и рту.

Таким я его ещё никогда не видела. Он не испугался за меня.

Испугался меня.

Глава 2

И теперь снимал с меня драгоценности, словно раздевал покойницу перед погребением. Ведь на том свете ей уже не понадобятся бриллианты.

Вторую серьгу он рванул без церемоний. Я уже не сопротивлялась. Сидела, прижимая ладонь к окровавленному уху, и смотрела, как человек, клявшийся делить со мной болезни и несчастья, заворачивает бриллианты в платок.

Обручальное кольцо осталось на пальце. Наверное, муж не заметил его.

А возможно, счёл недостаточно дорогим.

— Эй! Как там тебя! — крикнул муж, а его голос показался мне слишком громким. — Останавливай карету. Живо!

Он выглянул в окно и скривился так, словно увидел там что-то мерзкое. Штора тут же вернулась на место.

— Я сказал! Останавливай карету! — закричал он.

Я чувствовала, что балансирую на грани. Моё тело мне больше не подчинялось. А потом мгновенье темноты, из которой меня заставил вынырнуть охрипший незнакомый голос.

— Ваша светлость, я не стану этого делать. — Голос раздался прямо надо мной. — Она ещё дышит.

Муж повернулся к открытой дверце. Я почувствовала, что мы больше не едем. Карета остановилась.

— Поэтому я и плачу, — произнёс он через платок. — Отнеси её в ров и возвращайся. Нам нужно добраться до городских ворот до темноты. Иначе мы не успеем! Поэтому пошевеливайся!

Я заставила себя посмотреть наружу. Перед глазами всё плыло, но я различала за серостью дороги пологий склон.

Внизу чернела длинная яма, присыпанная по краям чем-то белым. Из-под серых простыней выступали босые ноги, посиневшие пальцы и спутанные волосы.

Над телами кружили птицы. Запах долетел даже до кареты.

Сладковатый, тяжёлый, смешанный с дымом и мокрой землёй.

Желудок сжался. Я отвернулась, но поздно. Перед глазами уже стоял чумной ров.

— Нет, — прошептала я.

Муж сделал вид, что не услышал.

— Я нанимался довезти вас до столицы, ваша светлость, — напомнил кучер, не приближаясь к дверце. Нос и рот мужчины закрывал грязный шарф. — Про больную госпожу разговора не было.

— Получишь вдвое больше, — пообещал муж, прижимая плотнее платок к лицу.

Кучер покачал головой.

— Давай, давай. Шевелись, идиот! Она всё равно сдохнет! — продолжал муж.

— Тогда подождите, пока умрёт, и сами отнесите, — произнёс кучер.

Раздражение мелькнуло в глазах мужа. Он посмотрел на меня, потом на серьги, зажатые в платке.

— Этого хватит? — спросил он, показывая кучеру один бриллиант.

Мужчина осторожно взял серьгу двумя пальцами. Поднёс к свету, осмотрел камень и спрятал в карман.

— За живую нужны обе, — потребовал он, снова отступая от дверцы. — Знаете, чтобы совесть успокоить. Она же мне потом сниться будет...

— Вот, значит, как! — В голосе мужа слышалось раздражение. Он и так считал, что платит слишком много за меня.

Пальцы мужа сильнее сжали вторую серьгу. Несколько мгновений он колебался.

Не потому, что собирался оставить мне хоть что-то. Просто ему было жаль отдавать лишний бриллиант.

— Забирай, — решил муж и протянул кучеру вторую серьгу.

Я смотрела, как украшения исчезают в грязном кармане. Моими бриллиантами заплатили за то, что я буду умирать в холодной яме, среди горы окоченевших трупов.

Внутри что-то надломилось. Не сердце. Оно продолжало тяжело биться, разгоняя по телу заражённую кровь.

Сломалось последнее убеждение, что произошедшее можно объяснить страхом. Что муж сейчас опомнится, прикажет кучеру вернуть серьги и снова назовёт меня женой. И будет искать лекаря.

Но он уже всё решил.

Глава 3

— Я могу ехать на крыше, — заговорила я, с трудом удерживая голову. — Или рядом с кучером. Вы оставите меня

возле лечебницы и сразу уедете. Я не стану к тебе приближаться.

Муж сильнее прижал платок к лицу.

— Тебя не пропустят через ворота. А если стража поймёт, что мы приехали из заражённого поместья, а в карете больная, то сожгут карету и все вещи.

Все вещи.

Я вспомнила сундуки, привязанные к крыше. Там лежала его одежда, серебряная посуда, мои платья и шкатулка с оставшимися украшениями.

Эйлар выбирал не между своей жизнью и моей. Он выбирал между мной и багажом.

— Ты обещал, что мы будем вместе, — напомнила я, чувствуя, как слёзы стекают по горящим щекам. — Что ты никогда не бросишь меня...

— Тяжёлые времена — тяжёлые решения, — коротко ответил он.

— Но как же твои клятвы...

Муж наконец посмотрел мне в глаза.

Платок скрывал нижнюю половину его лица, поэтому я видела только страх. Чистый, животный страх человека, который уже похоронил меня и теперь хотел оказаться как можно дальше от тела.

— Дорогая, я говорил тебе, чтобы ты держалась от чумных подальше, — произнёс он. — Я не собираюсь умирать вместе с тобой. Я планирую ещё пожить.

Кучер достал из-под сиденья старое дорожное покрывало. Он набросил его мне на плечи, стараясь не касаться одежды. Схватил за края и потянул.

Я вцепилась в сиденье.

Пальцы скользили по бархату, ногти выворачивало от боли, но я продолжала держаться. Кучер выругался и рванул сильнее. Моё тело сползло на пол кареты, голова ударилась о подножку.

— Помогите мне, ваша светлость, — потребовал мужчина, тяжело дыша. — Она хватается...

Муж отступил.

Он предпочёл прижаться спиной к стенке, лишь бы случайно не коснуться моей руки.

— За это я и отдал тебе серьги, — напомнил он. — Чтобы ты всё сделал сам! Тебе что? Сложно вытащить бабу и выбросить в ров?

Кучер наступил на мои пальцы.

Боль прострелила ладонь. Я закричала и разжала руку.

Меня вытащили из кареты.

Колени ударились о землю. Подол платья потемнел от грязи, волосы рассыпались и прилипли к мокрому лицу. Я попыталась подняться, но ноги не удержали.

Кучер завернул меня в покрывало и поволок вниз по склону.

Трава царапала щёки. Камни били по рёбрам, каблуки оставляли на размокшей земле две неровные борозды. Я

продолжала звать мужа, пока голос не превратился в хрип.

Он вышел из кареты и стоял возле дверцы, а потом наклонился и осторожно поднял драгоценную шпильку, которая выскользнула из моих волос. Он поднял её сквозь платок и спрятал себе в карман, похлопав по нему.

Он стоял и смотрел, как меня хоронят заживо. Высокий. Хорошо одетый. С материнским колье во внутреннем кармане и платком возле лица.

— Я ещё жива, — прошептала я.

— Ненадолго, — пробурчал он в платок и отвернулся, глядя на багаж, который закрепили на крыше кареты.

Кучер остановился у самого рва.

— Простите, госпожа, — пробормотал он, стараясь не смотреть вниз. — Но мне тоже жить хочется. Но я обещаю, что обязательно выпью за ваше здоровье... Ну, или помяну...

Он отпустил покрывало. Я покатила по склону.

Плечо ударилось о край ямы. Мир перевернулся, перед глазами мелькнуло серое небо, а потом спину пронзила боль.

Я упала на тела.

Глава 4

Чья-то холодная рука прижалась к моей щеке. Лицо уткнулось в мокрые волосы мёртвой женщины. Под ладонью оказалась детская рубашка, и я отдёрнула пальцы, боясь понять, кто лежит рядом.

Наверху хлопнула дверца и зафыркали лошади.

— Пошёл! Быстро! — слышался крик мужа.

Застучали колёса.

Я заставила себя повернуть голову. В окне кареты на мгновение появилось лицо Эйлара. Он по-прежнему прижимал платок ко рту.

Наши взгляды встретились.

Потом муж задёрнул занавеску. Он просто взял и вычеркнул меня из своей жизни, оставив умирать под открытым небом.

Карета уехала. Я видела, как изо рта вырывались клубы пара, как жар сменялся ознобом. Несколько раз я проваливалась в темноту и верила в то, что это конец моим мучениям. Но потом открывала глаза, видя всё то же небо и всё тот же пар изо рта.

Я не знала, сколько пролежала среди покойников.

Жар сменялся холодом. Иногда сознание возвращалось, и тогда я слышала скрип подъезжавших телег. В ров падали новые тела. Одно придавило мне ноги, другое легло поперёк живота, мешая дышать.

Я пыталась пошевелиться.

Никто не замечал, что я ещё жива. Или просто не хотел замечать. Для них я уже умерла.

Для проезжавших мимо людей я уже стала частью общей могилы. Такой же опасной, безымянной и ненужной, как остальные.

К вечеру пошёл дождь.

Вода стекала по лицу, попадала в рот и смешивалась с кровью. Я больше не кашляла. Возможно, в лёгких просто ничего не осталось.

Где-то на дороге раздался топот копыт.

Потом слышались голоса. Несколько мужчин спустились к краю рва. Зазвенел металл, по земле заскользили цепи, а в воздухе запахло магией и горячим железом.

— Рунный контур замкнут, господин доктор, — сообщил один из прибывших. — Ветер направлен к пустоши. Огонь не затронет деревню.

Второй мужчина спросил, следует ли ещё раз проверить тела. Ему никто не ответил.

Тяжёлые шаги приблизились к краю. Меня накрыла огромная тень. На мгновенье я закрыла глаза, а потом услышала спокойный мужской голос:

— Сжигайте.

Веки не хотели подниматься. Я заставила себя открыть глаза.

Над рвом стоял огромного роста мужчина в длинном чёрном плаще, расшитом золотом. Его рука опиралась на дорожную трость, а кончик трости утопал в грязи и траве. Широкополая шляпа отбрасывала тень на маску чумного доктора. Длинный клюв покрывали тёмно-красные руны, а за узкими стёклами невозможно было разглядеть глаз.

Остальные люди держались позади него. Вокруг обтянутой чёрной перчаткой ладони незнакомца вспыхнуло маги-

ческое пламя.

Я пошевелила пальцами. Лежавшая на груди рука покойника соскользнула в сторону.

— Я жива... — прошептала я, чувствуя, как огонь приближается к краю рта. — Жива...

Маска медленно повернулась ко мне.

— Это ненадолго, поверьте, мадам.

Глава 5

Огонь в его ладони вздрогнул, и на мгновение мне показалось, что мужчина сейчас просто разожмёт пальцы.

Красное пламя сорвётся вниз, скользнёт по мокрой траве, перекинется на простыни, на платье мёртвой женщины, чьи волосы липли к моей щеке, а потом доберётся до меня.

Я почувствовала жар. Хотя между нами было несколько шагов, хотя меня несколько часов трясло от холода так, что зубы сводило болью, хотя дождь промочил платье насквозь, а под спиной лежали холодные тела — огонь всё равно чувствовался.

Он словно уже касался кожи, обещая не избавление, а окончательное уничтожение.

— Нет...

Из горла вырвался даже не голос, а жалкий сип.

Чудовищная маска с клювом хищной птицы не шелохнулась. Тёмные стёкла смотрели прямо на меня, и красные руны на длинном клюве вспыхивали в отблесках пламени, будто под маской и правда не было человека, а лишь пустота,

заполненная тьмой.

Я попыталась поднять голову. Не смогла. Шея дрогнула, затылок оторвался от чьего-то плеча всего на пару сантиметров и снова тяжело упал. Перед глазами потемнело, и мир сузился до чёрного силуэта на краю рва.

— Не надо... — выдохнула я, чувствуя, как от этих двух слов в груди начинает скрестить кашель. — Пожалуйста...

Мужчина слегка наклонил голову.

— Вам не кажется, что вы слишком разговорчивы для покойника?

Голос был спокойным. Даже приятным. И от этого стало страшнее. Если бы он кричал, ругался, называл меня заразной тварью, я бы хотя бы понимала его.

Муж кричал. Кучер оправдывался. Они боялись. Этот — нет.

Он стоял возле края огромного чумного рва с огнём на ладони так, словно пришёл проверить, хорошо ли слуги подстригли розы в саду.

— Я не... я ещё не покойник, — прошептала я, чувствуя, как заплетается язык.

С каждым словом горло саднило сильнее. На языке появился знакомый металлический вкус. Я сглотнула и почувствовала, как кровь медленно стекает по задней стенке горла, тёплая и солёная.

Человек в маске чуть повёл плечом, поправляя перчатку.

— Это очень спорное утверждение, мадам.

Я усталилась на него. Хотелось заплакать, закричать, позвать на помощь. Но за его спиной стояли мужчины в масках и длинных плащах, и ни один даже не сделал шага ко мне. Я вдруг поняла, что они ждут не моего спасения, а его решения. Их неподвижность напоминала топор, занесенный над моей головой.

— Я живая, — повторила я уже громче, собрав остатки воздуха в истощённых лёгких. — Посмотрите... Я разговариваю...

— Многие люди разговаривают, — мягко заметил незнакомец, и в его тоне проскользнула нотка академического интереса. — Некоторые даже слишком много. Это ещё не доказательство разумной жизни.

Кто-то наверху хмыкнул. Тихо, почти незаметно. Но мужчина в чёрном медленно повернул голову, и смех оборвался, словно взгляд перерезал горло. Я не видела этого взгляда, но тот человек наверху даже кашлянуть побоялся, вжав шею в плечи.

Незнакомец снова посмотрел на меня. Пламя вокруг его пальцев стало меньше, но не исчезло. Я следила за ним, боясь даже моргнуть. Оно ещё горело. Ещё могло сорваться вниз.

— Я не хочу умирать, — прошептала я.

Глава 6

На этот раз он не ответил сразу. Что-то внутри меня сжалось. Я чувствовала собственное сердце: медленное, тяжёлое, оно стучало где-то глубоко в груди, словно тоже устало

и теперь решало, стоит ли делать следующий удар. Тук. Пауза. Тук.

Доктор сжал пальцы. Огонь исчез.

Я шумно втянула воздух и тут же закашлялась. Боль разорвала грудь, и я согнулась, насколько позволяли наваленные сверху тела. Чья-то холодная рука соскользнула с моего живота и зацепилась окоченевшими пальцами за платье. Меня затошнило. Я дёрнулась, пытаюсь сбросить её, но не получилось. Пальцы были тяжёлыми, неподвижными, мёртвыми.

— Уберите... — прохрипела я, чувствуя, как тошнота подступает к самому горлу. — Пожалуйста...

Доктор опёрся на трость и вдруг шагнул вниз.

Кто-то за его спиной резко вдохнул.

— Господин доктор! — Мужской голос прозвучал напряжённо, срывающимся шёпотом. — Не стоит. Здесь слишком высокая концентрация...

Человек в маске остановился и медленно обернулся.

— Чумы? — любезно подсказал он.

Мужчина наверху запнулся, явно не ожидая такого вопроса.

— Д-да.

— Вы уверены?

В голосе Доктора появился неподдельный, почти научный интерес. Я даже перестала дёргать платье, замороженная этой интонацией.

— Абсолютно, господин.

— Какое счастье, что вы предупредили, — произнёс Доктор, и в его тоне сквозила такая искренняя благодарность, что у меня по спине пробежал мороз. — А то я увидел ров, наполненный чумными трупами, и решил, что это местная свадьба.

Кто-то опустил голову, и мне показалось, чтобы скрыть улыбку или ужас. Доктор постучал тростью по склону, проверяя устойчивость грунта, и продолжил спускаться.

— Но... — попытался возразить помощник.

— Если я умру, — перебил его Доктор всё тем же лёгким тоном, осторожно выбирая место для следующего шага среди тел, — обязательно напишите в отчёте, что вы предупредили. Это значительно облегчит мою загробную жизнь. Я буду думать об этом каждый день. Быть может, даже пару раз всплакну.

У меня внутри всё сжалось.

Он шёл ко мне.

Плащ скользил по мокрой траве, чёрные сапоги проваливались в грязь. Однажды Доктор наступил между двумя телами и чуть качнулся, но даже не посмотрел вниз. Ему было всё равно. Вот это пугало больше всего.

Муж боялся даже моего дыхания через двойной слой батиста. Этот человек спускался в могилу, заполненную заразными покойниками, словно чума касалась кого угодно, кроме него.

Он приблизился. Теперь я могла разглядеть маску в де-

талях: чёрная кожа, тонкие металлические накладки, руны, выведенные тёмно-красным по клюву. В узких стёклах отражался огонь за моей спиной, превращая его лицо в искажённое зеркало моего собственного ужаса.

Доктор остановился рядом и посмотрел на меня, словно решая, стоит ли наклоняться или всё-таки нет.

Я лежала под его взглядом и вдруг остро, до физической боли, почувствовала всё своё тело. Разорванную мочку уха. Засохшую кровь на шее. Липкое от дождя платье. Грязь под ногтями. Волосы, прилипшие ко лбу. Чужую руку на животе. Тяжесть мёртвого мужчины на ногах. Мне стало стыдно. Бред какой-то. Меня собирались сжечь, а я вдруг подумала о том, как выгляжу перед незнакомым мужчиной.

— Ну-с, — произнёс он задумчиво, и голос его прозвучал совсем близко, заглушая шум дождя. — Посмотрим, что здесь так настойчиво отказывается умирать.

Глава 7

Он воткнул трость в грязь и наклонился. Я вздрогнула и попыталась отползти, но тело не послушалось. Доктор сначала убрал руку с моего живота: просто взял мёртвого мужчину за запястье и перебросил его руку в сторону. Тяжёлая ладонь шлёпнулась на мокрую землю с влажным звуком. Потом Доктор ухватил покойницу, к которой я была прижата щекой, за плечо.

— Простите, мадам, — произнёс он почти вежливо, обращаясь к мёртвой женщине. — Вы несколько мешаете другой

мадам умирать. Это ужасно невежливо с вашей стороны.

И с этими словами он перевернул тело.

Я судорожно вдохнула. Воздух. Впервые за долгое время грудь смогла расшириться полностью. Я вдохнула глубже и сразу пожалела. Запах ударил так сильно, что желудок свело спазмом. Гниль, мокрая земля, дым, кровь и что-то сладкое, мерзкое, тяжёлое, что оседало на языке. Меня вывернуло бы, если бы внутри хоть что-то осталось от завтрака.

Я захрипела, закрывая рот ладонью. Кашель пришёл мгновенно. Первый толчок. Второй. На третьем грудь вспоролو болью, и я почувствовала тепло на губах. Кровь.

Доктор перехватил моё запястье прежде, чем я успела вытереть рот. Его перчатка была жёсткой, но хватка — точной.

— Не закрывайте.

Я дёрнула рукой, пытаюсь освободиться.

— Отпустите...

— Обязательно. Но позже.

Он отвернул мою ладонь и посмотрел на кровь. Мне захотелось провалиться глубже в землю, исчезнуть, раствориться в грязи, только бы не видеть этого спокойного изучения.

— Не трогайте меня... — прошептала я, чувствуя, как горячая волна стыда заливает лицо.

Доктор поправил маску, словно это могло помочь ему лучше рассмотреть мой позор.

— Почему?

Я уставилась на него, не веря, что вопрос может быть на-

столько очевидным.

— Я... я... себя неважно чувствую...

Несколько мгновений он молчал, и тишина эта была наполнена работой мысли, которую я не могла уловить.

Потом тихо рассмеялся. Не зло, не насмешливо, а с каким-то искренним весельем, от которого по позвоночнику пробежал холод.

— Мадам, — произнёс он, всё ещё удерживая моё запястье, и в его голосе звучала такая нежная констатация факта, что мне стало дурно. — Я знаю, что это невежливо говорить, но выглядите вы паршиво. Как для живой. Но могу вас утешить. Для покойницы вы выглядите очень неплохо. Считайте это комплиментом.

Он отпустил руку. Я прижала её к груди, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

— Вы... вы не боитесь заразиться? — спросила я хриплым голосом и растерянно моргнула. Он опустил рядом на одно колено, и край дорогого плаща лёг прямо в грязь, впитывая смерть и влагу.

— Например, сейчас я страшно боюсь, что вы умрёте раньше, чем я пойму, почему до сих пор этого не сделали. А так я ничего не боюсь. Всё, чего я мог бояться, я уже давно отбоялся.

Мне стало не по себе. Он сказал это слишком спокойно, будто моя смерть была не трагедией, а досадой, незаконченным наблюдением, упущенной возможностью узнать что-то

новое.

Доктор протянул руку к моему лицу. Я отшатнулась, но деваться было некуда.

— Не двигайтесь. Сейчас я буду вас бесцеремонно лапать. Исключительно в научных целях.

Глава 8

Пальцы легли на висок. Не ласково, но и не грубо. Профессионально. Он приподнял моё веко, и я уставилась в чёрное стекло маски. В нём отражалась крошечная я: белое лицо, огромные глаза, растёкшаяся грязь по щеке. Призрак женщины, которая ещё час назад была женой, хозяйкой, человеком.

— Следите за пальцем, — велел Доктор, поднимая другую руку.

Палец медленно прошёл справа налево. Я попыталась следить, но он раздвоился, снова слился, и мир поплыл. Я моргнула, теряя фокус.

— Ещё раз, — потребовал мужчина, и в его тоне не было раздражения, только терпеливое ожидание результата.

— Не могу...

— Можете. — Его голос был мягким и настойчивым одновременно.

— Я устала, — прошептала я, пытаясь не расплакаться.

— Поверьте, я тоже немного устал. — В голосе послышалась насмешка. Слова вырвались из меня раньше, чем я успела остановиться, и надежда вспыхнула глупой искрой.

Но в его движениях, голосе, жестах не было ни капли сочувствия. Только факт. Он снова повёл пальцем, и я из последних сил проследила, собирая волю в узел.

Доктор чуть оттянул второе веко, изучая реакцию зрачка.

— Зрачки реагируют.

— Значит, я не умру? — с надеждой спросила я, чувствуя, как всё внутри хочет верить в чудо.

— Это значит, что зрачки реагируют. Больше ничего.

От его спокойной интонации у меня оборвалось сердце. Надежда погасла, оставив после себя лишь холодную пустоту. Он отпустил веко.

Я смотрела на него, не веря, что он может быть настолько жестоким в своей точности.

— Вы специально мне такое говорите? — прошептала я пересохшими губами, на которых всё ещё оставался привкус крови.

— Нет, — возразил Доктор и, судя по голосу, улыбнулся. — Иногда совершенно случайно получается.

Я бы ударила его, если бы могла поднять руку. Наверное. Но в следующую секунду его пальцы легли на мою шею. Прямо на кожу.

Я замерла. Прикосновение оказалось горячим. настолько горячим после ледяного дождя, что кожа почти заболела от контраста.

Пальцы нащупали пульс, нажали, и Доктор замолчал. Я слышала собственное дыхание, дождь, слабый треск огня на-

верху, и вдруг вспомнила пальцы мужа. Тоже на моей шее. Только он обмотал руку платком, лишь бы не коснуться кожи. Цепочка рванула горло. «Не прикасайся ко мне, погань!»

У меня дрогнул подбородок. Доктор тут же поднял голову.

— Больно?

— Нет. — Я подавила приступ кашля.

— Тогда почему плачете?

Я только сейчас почувствовала слезу. Она была горячей, скользнула по виску в волосы, смешиваясь с холодной дождевой водой.

— Неважно. — Я отмахнулась, прогоняя воспоминания о том, как за несколько мгновений из любимой жены превратилась в мусор.

— Разумеется, — согласился он, и в его тоне прозвучала такая глубокая уверенность, что мне стало страшно. — Всё, что пациент считает неважным, обычно и оказывается самым занятым.

Он снова сосредоточился на пульсе, и пальцы его были такими тёплыми, такими живыми, что хотелось прижаться к ним щекой.

— Медленный.

— Я умру? — едва слышно прошептала я.

— К сожалению, да, — спокойно ответил Доктор. И это спокойствие в голосе было хуже крика. Неужели в нём нет ни капли сочувствия? Неужели в нём нет ничего человеческого?

Глава 9

Слова о смерти ударили в живот. Я перестала дышать. Доктор поднял голову и, кажется, заметил мой ужас, потому что продолжил уже почти терпеливо:

— Вы, я, господа наверху — все однажды умрём. Я предпочёл бы более конкретный вопрос.

Я судорожно втянула воздух, пытаясь ухватиться за эту нить логики.

— Я умру сейчас?

— Вот это уже лучше. — Он снова нащупал пульс, и пауза затянулась, наполняясь стуком моего собственного сердца. — Возможно. А возможно, ваши мучения немного затянутся.

Он убрал руку и провёл большим пальцем по моей шее, там, где проступали чёрные сосуды. Сильно, стирая грязь. Я зашипела от боли.

— Я смотрю на ваше лицо и понимаю, что чувствительность сохранена.

— Вы всё превращаете в симптом? — всхлипнула я.

— Всё в этом мире — или болезнь, или её симптомы.

Он наклонился ближе, и от него пахло дымом, кожей и горькими травами. Не духами. Не смертью. Лекарством. Живым, сложным запахом человека, который работает с болезнью, но не принадлежит ей.

— Откройте рот.

Я стиснула зубы, чувствуя, как челюсть сводит от напряжения.

— Зачем? — спросила я, понимая, что я и так умру.

— Хочу посмотреть.

— Что?

— Вас изнутри, — рассмеялся он. — Ваш богатый внутренний мир.

У меня не было сил даже возмутиться. Доктор чуть склонил голову, и в этом движении было столько терпения, что оно пугало больше угрозы.

— Нет, — прошептала я, уже жалея, что с ним связалась.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Я — в чёрные стеклянные линзы. Он — неизвестно куда. А потом в его голосе появилось почти ласковое веселье.

— Прекрасно. — В голосе чувствовалась улыбка.

— Что прекрасного?

— Умираете, лежите под тремя покойниками и всё равно спорите с врачом. Нервная система функционирует превосходно. Пока ещё. Обычно она начинает разрушаться первой. У вас это почему-то запаздывает.

Мне не понравилось это слово. Совсем. Оно звучало как обещание, от которого нельзя отказаться. Он протянул руку и взял меня за подбородок. Я попыталась отвернуться, но пальцы сжались чуть сильнее. Не больно, но так, что я сразу поняла: если он захочет удержать, я ничего не сделаю.

— Откройте рот, мадам, — повторил Доктор уже тише, и в этой тишине было больше власти, чем в любом крике. — Я могу разжать вам челюсть сам, но тогда вы обвините меня

в отсутствии манер.

— А они у вас есть? — Я закашлялась, подавив клопочущий звук в груди.

— Где-то были. Надо будет посмотреть и поискать. Не помню, куда положил.

Несмотря на страх, у меня дёрнулся уголок губ. Доктор тут же замер.

Я открыла рот. Просто чтобы он замолчал.

— Язык, — потребовал он.

Я показала. Доктор перестал шутить. Это произошло мгновенно. Пальцы на подбородке замерли, маска приблизилась, и он повернул моё лицо к свету. Мне стало страшно. По-настоящему. Не потому, что он мог причинить боль, а потому, что в его внимании не было ничего человеческого. Только чистый, неразбавленный научный интерес.

— Что? — спросила я, убирая язык.

— Мадам!

Один только тон заставил меня подчиниться. Я снова открыла рот, и он рассматривал язык так долго, что мышцы челюсти начали дрожать. Потом отпустил меня. Его пальцы сразу легли на шею, провели по чёрным прожилкам. Доктор вытер один участок кожи рукавом моей же одежды, посмотрел, снова коснулся.

— Удивительно, — произнёс он, и в этом слове было столько веса, что мне стало холодно.

Глава 10

— Что?

Он не ответил. Взял мою руку, провёл пальцем по ногтю, повернул ладонь. Затем внезапно стянул с себя одну перчатку. Я увидела длинные сильные пальцы, бледные в свете огня, и прежде чем успела что-то понять, он прижал два пальца к моей шее. Голой рукой. К коже.

Я дёрнулась, словно от ожога.

— Вы что делаете?!

Доктор не убрал руку.

— Пульс считаю.

— Вы заразитесь!

— Вряд ли. Ваши человеческие болезни ко мне не прилипают.

— Но... — попыталась возразить я, но силы уже покидали меня.

— Тихо, — произнёс он.

Его пальцы были горячими. Невыносимо. Не потому, что обжигали, а потому что я помнила. Белый платок. Глаза мужа. Отвращение. Он боялся прикоснуться ко мне даже через ткань. А незнакомец стоял коленом среди мертвецов и касался моей заражённой кожи голой рукой, считая удары моего сердца так, словно это было самое естественное занятие в мире.

Слёзы снова подступили к глазам. Я отвернулась, не в силах смотреть на эту руку.

— Что опять? — спросил Доктор, не прекращая считать.

— Ничего.

— Это уже второй раз ваше «ничего» выделяет солёную воду, — с насмешкой произнёс он.

Я закрыла глаза, чувствуя, как слёзы текут по щекам, смешиваясь с грязью.

— Муж боялся меня трогать.

Рука на моей шее не шелохнулась. Я не собиралась это говорить. Слова сами сорвались. Наверное, потому что температура снова поднималась, или потому что день был слишком длинным, или потому что я больше не могла держать всё внутри. Мне хотелось, чтобы кто-то узнал о том, что случилось в карете.

— Он обмотал руку платком, — прошептала я, и голос мой дрожал. — Даже когда снимал с меня украшения.

Доктор убрал пальцы. На несколько секунд повисла тишина, наполненная лишь шумом дождя и далёким гулом огня.

— Какой заботливый супруг. И где же он сейчас? — произнёс он, глядя на соседние трупы.

— Он поехал в столицу, — прошептала я, чувствуя, как правда перестала выжигать меня изнутри.

— Он сказал, что мне всё равно больше не понадобятся бриллианты.

Доктор посмотрел на мою шею, потом на разорванную мочку, на обручальное кольцо, которое всё ещё болталось на исхудавшем пальце.

— Практичный мужчина.

Я вскинула на него глаза, не веря, что он мог сказать такое.
— Практичный?!

Доктор пожал плечом, и движение это было таким будничным, что ударило сильнее пощёчины.

— Покойникам действительно редко нужны бриллианты. Разве что порадовать расхитителей гробниц и мародеров.

У меня перехватило дыхание.

— Вы такой же.

Слова вылетели прежде, чем я подумала. Он замер. Я сразу испугалась. Не знаю почему. Может, потому, что мужчины наверху боялись даже его молчания. Но Доктор только спросил:

— Как ваш муж?

— Вы... вы говорите так, будто я уже умерла.

— Нет. Ваш супруг говорил так, будто вы уже умерли. Я пока собираю данные. Не путайте, пожалуйста, тёплое с мягким.

Меня словно ударили. Внутри стало пусто. Да. Разница была. Страшная. Муж решил, что я труп, ещё когда я умоляла его отвезти меня к лекарю. Этот человек стоял над чумным рвом с огнём в руке, но всё ещё проверял. Всё ещё считал пульс. Всё ещё задавал вопросы.

Доктор снова посмотрел на мой язык, на шею, на глаза. Задумался. И вдруг произнёс совсем тихо, так, что я едва расслышала сквозь шум дождя:

— По всем прогнозам и стадии заболевания, вы уже долж-

ны быть мертвы.

Глава 11

Я похолодела. На этот раз в его голосе не было ни капли насмешки. Только сухая, непреложная констатация факта.

— Но ведь я... я ещё жива...

Он поднялся. Медленно. Забрал трость. Стоял надо мной, глядя вниз, и молчал. Сверху окликнули: «Господин доктор?» Он не отозвался. Я смотрела на него, и сердце снова билось мучительно медленно. Удар. Пауза. Удар. Мне показалось, что даже дождь стал тише.

Вот сейчас. Сейчас этот совершенно незнакомый человек решит мою судьбу. И самое страшное заключалось в том, что я уже поняла: ему будет не жалко. Если он решит, что я должна сгореть, он бросит огонь. Без злости, без ненависти, без угрызений совести. Просто потому, что так нужно. Потому что так правильно.

Я протянула к нему руку. Она дрожала так сильно, что пальцы не слушались. До плаща не хватило нескольких сантиметров.

— Пожалуйста...

Доктор посмотрел на мою руку. Я заставила себя продолжить, вкладывая в слова всё, что осталось от жизни:

— Я не хочу здесь умирать.

Голос сорвался. Грудь сжалась. Я посмотрела на мёртвую женщину рядом, на маленькую рубашку, на синюю детскую ладошку, едва заметную под серой простынёй.

— Пожалуйста... Хотя бы не здесь.

У меня потекли слёзы. Я уже не пыталась их скрыть.

— Я не могу больше... Я не хочу лежать с ними. Я не хочу, чтобы меня жгли... Я...

Воздуха не хватило. Последнее слово растворилось в кашле. Доктор молчал. Мне показалось, прошла целая вечность. Потом он вздохнул. Тяжело, будто я доставила ему ужасное неудобство.

— Не могу устоять перед просьбой такой милой дамы.

Я замерла. Он повернул голову к людям наверху и небрежно крикнул.

— Вытащите её.

По краю рва прошло движение. Мужчины переглянулись. Один из них — высокий, в серой защитной маске — осторожно приблизился к краю.

— Живую? — переспросил он, словно надеялся, что услышался.

Доктор медленно поднял к нему лицо.

— Нет. Сначала придушите, чтобы соответствовала остальным. Живую, конечно! Добивать не надо!

Мужчина побледнел даже под маской.

— Я не это имел в виду, господин доктор.

— Тогда не вынуждайте меня угадывать. Я слишком устал, чтобы разгадывать загадки.

Доктор снова посмотрел на меня.

— Так и быть. Я сегодня добрый, поэтому мадам умрёт с

комфортом.

От облегчения меня затрясло. Сильнее, чем от озноба. Я зажала рот рукой, пытаюсь не разрыдаться. Меня не спасли. Он ясно сказал: умрёт. Но не здесь. Не в огне. Не среди покойников. Сейчас этого оказалось достаточно.

Мужчина наверху всё ещё не двигался. Его взгляд скользнул по телам вокруг меня.

— Господин доктор, — заговорил он наконец, явно подбирая слова осторожнее, — придётся спустить людей в ров. Потом поднимать заражённую через весь внешний контур. Если она всё равно...

Доктор слегка опёрся на трость.

— Всё равно умрёт?

Мужчина кивнул. Вот. Вот сейчас Доктор передумает. Я почувствовала, как холод снова поднимается от живота к груди. Пальцы вцепились в мокрое платье. Не забирайте. Пожалуйста. Не забирайте обратно эти несколько минут надежды!

Доктор посмотрел на меня. Долго. Так внимательно, что я почувствовала себя букашкой, которую он накрыл стаканом и теперь решал, стоит ли проткнуть булавкой. Потом оглянулся на ров, на сотни неподвижных тел.

— Этим бедолагам мы уже ничем не поможем, — произнёс он спокойно. Кончик трости указал в мою сторону. — А эта ещё способна испортить мне вечер. Она будет очень стараться.

Глава 12

Мужчина наверху опустил голову.

— Понял. Сейчас принесут носилки.

— Вот видите, — одобрил Доктор. — А стоило всего лишь несколько минут подумать.

Наверху началось движение. Кто-то побежал к лошадям, послышался металлический звон, разворачивали цепи. Другой мужчина достал плотные перчатки и натягивал их до локтей. Я наблюдала за ними, боясь потерять сознание. Не сейчас. Только не сейчас. Если закрою глаза, они могут решить, что я умерла.

— Что, уже всё? — словно прочитав мои мысли, заметил Доктор.

Я посмотрела на него.

— Нет! Просто... глаза тяжёлые. И мне хочется спать... — начала оправдываться я.

— Напоминаю. Вы обещали мне испортить мой вечер. Нехорошо, если вы нарушите обещание.

Я попыталась вдохнуть глубже. Грудь сразу заболела.

— Вы действительно думаете, что я умру?

Доктор чуть повернул маску.

У меня задрожали губы. Он продолжил уже деловито, перечисляя мои недостатки, как дефектный товар:

— Вы провели неизвестное количество часов в общей могиле. У вас выраженные признаки чумы, кровохарканье, тяжёлое обезвоживание, лихорадка, вероятная травма плеча и,

судя по тому, как вы пытаетесь дышать, проблемы с лёгкими. Прогнозы неутешительные.

Каждое слово вбивало меня глубже в землю.

— Спасибо...

— Не за что. Если вам нужна надежда, то это не ко мне.

Несмотря ни на что, я фыркнула. Боль тут же прострелила рёбра, и я скривилась. Он заметил. Я прижала руку к боку и простонала от боли.

Он снова опустился возле меня и осторожно провёл пальцами по рёбрам. При первом же нажатии я вскрикнула. Доктор остановился.

— Здесь болит?

— Да!

— Вы опять очень бодро возмущаетесь. Вечер обещает быть интересным.

Я стиснула зубы.

Он поднялся как раз в тот момент, когда вниз начали спускаться двое мужчин. Они были укутаны почти полностью: плотные плащи, перчатки, маски. Один держал сложенные носилки. Второй смотрел на меня так, будто я могла наброситься и укусить. Я почувствовала знакомое: отвращение, страх, желание держаться подальше. Точно так смотрел муж.

Мне вдруг стало тяжело дышать. Мужчины остановились метрах в двух от меня.

— Ближе, — приказал Доктор.

Тот, что держал носилки, неохотно сделал шаг.

— Ещё.

Ещё шаг.

— Господин доктор, она кашляет кровью. У неё последняя стадия, — слышался робкий голос.

— Вы сегодня все наблюдательны как никогда. — Слышались хлопки. — Я просто поражён вашей наблюдательностью.

— Я хотел сказать...

— Я знаю, что вы хотели сказать.

Веселье исчезло из голоса, и тишина стала плотной.

— Если боитесь заразиться — поднимитесь наверх. Пришлите другого. А сами можете идти на все четыре стороны. Такие люди мне не нужны.

Глава 13

Мужчина застыл. Я смотрела на Доктора. Тот не повышал голос, но что-то изменилось в воздухе. Человек с носилками тут же шагнул вперёд.

— Нет. Я сделаю.

— Вот и славненько.

Они развернули полотно. Проблема оказалась в том, что на мне всё ещё лежало тело мужчины. Ноги были придавлены почти от коленей. Один из помощников наклонился, но замер, не решаясь схватить покойника. Доктор устало выдохнул.

— Отойдите.

Он сам взял мертвеца за плечи и перевернул. Тело с тяжё-

лым влажным звуком съехало вниз. Мои ноги освободились. Боль пришла мгновенно, так резко, что я закричала. Кровь хлынула обратно в затёкшие ступни и икры тысячами раскалённых игл. Я попыталась согнуть колени. Не смогла.

— Ноги...

Доктор сразу присел рядом. Его пальцы сжали щиколотку.

— Чувствуете?

— Да... — простонала я.

Он надавил сильнее. Я дёрнулась.

— А это?

— Больно! — всхлипнула я.

— Отлично.

— Да что у вас всё отлично?! — захныкала я.

За маской снова послышался тихий смешок.

— Вы живы. У живых болит. Мёртвые пациенты значительно спокойнее.

Он выпрямился.

— Теперь поднимайте. Только осторожно. Это же дама!

Мужчины наклонились ко мне. Я увидела их руки в перчатках и снова вспомнила кучера, покрывало, пальцы, вцепившиеся в бархат сиденья, чужой сапог на моей руке. Меня накрыло паникой.

Я попыталась отползти, но тело не подчинилось.

Один из помощников отшатнулся. Доктор мгновенно присел передо мной.

— Мадам. Посмотрите на меня.

Я уже почти не видела его. Перед глазами стояла карета, муж, грязь, склон. Я чувствовала, как меня снова тащат, как платье рвётся о камни, как чужие тела встречаются внизу.

— Он тоже сказал... — задыхалась я, и слова рвались наружу вместе с рыданиями. — Он тоже велел меня вытащить...

Доктор замер.

— Кто?

— Муж...

Я прижимала руки к груди, пытаюсь перестать дрожать.

— Он приказал кучеру... вытащить меня из кареты... Они потащили...

Доктор медленно перевёл взгляд на двух помощников, потом снова на меня.

— Мне кажется, сейчас не время для занимательных историй. И грустных воспоминаний. Судя по тому, как распространяется болезнь, вы с вашим супругом сможете наговориться на том свете.

Он поднялся. Я ожидала нового приказа. Вместо этого он протянул трость одному из мужчин.

— Подержи.

Тот схватил её обеими руками.

Доктор наклонился ко мне, одну руку подsunул под спину, вторую — под колени. Я не сразу поняла. А потом земля ушла вниз. Меня поднял сам Доктор.

Я вскрикнула и судорожно вцепилась в его плечи.

— Тихо. Вы сами просили комфортную смерть. Поэтому не сопротивляйтесь.

Я слышала его голос совсем близко, за маской, возле виска. Плащ пах дымом, травами, металлом. И почему-то впервые за весь день я не чувствовала запаха мёртвых. Только его. Мне стало легче. И страшно от этого. Так страшно, что я ещё сильнее сжала пальцы на его плече.

Глава 14

Он посмотрел вниз.

— Если вы порвёте мне плащ, счёт отправлю супругу.

Я всхлипнула.

— Он не заплатит.

— Судя по вашей истории, у него есть с собой кое-какие сбережения.

Он уложил меня на носилки. Медленно, осторожно поддерживал голову, чтобы та не ударилась о деревянную перекладину. Всё тело тряслось, но уже не от паники. От холода, от слабости, от того, что сил больше не осталось даже бояться.

Мужчины подняли носилки. Доктор забрал трость.

— Медленно, — приказал он, наблюдая, как меня разворачивают к склону. — Если уроните, придётся выяснять, что именно убило пациентку: чума или идиоты. Второй диагноз значительно обиднее.

Тот помощник, который ещё недавно боялся ко мне приблизиться, крепче перехватил ручки.

— Не уроним, господин доктор.

— Мне нравится ваша внезапно появившаяся уверенность, — произнёс он, уперев набалдашник трости в грудь помощнику. — Запомните её. Она мне ещё пригодится.

Мы начали подниматься. Каждый шаг отдавался болью в рёбрах. Носилки качались. Небо над головой плыло, серое и бесконечное. Я закрыла глаза на секунду.

— Только не говорите, что носилки для вас — это комфорт. Постарайтесь дожить до настоящего комфорта.

Голос Доктора тут же вернул меня. Я приоткрыла веки. Он шёл рядом.

Он снова тихо рассмеялся, и почему-то этот звук удержал меня лучше любого лекарства.

Наверху стало светлее. Мы почти выбрались. Я увидела дорогу, лошадей, чёрные экипажи, людей возле рунного контура.

— Кто вы? — спросила я, глядя на его роскошный костюм.

— Добрый доктор, — заметил он милым голосом. И тут же повернулся к помощнику. Голос его тут же стал резче. — Сжигайте здесь всех!

Огонь слетел с пальцев магов. Внизу уже начинали загораться тела. Я отвернулась, но не успела. Взгляд зацепился за серую детскую рубашку, а потом пламя накрыло её. У меня перехватило горло.

Доктор остановился рядом. Я видела, как пламя пляшет в отражении его очков.

— А если кто-то ещё жив?

Он ничего не ответил сразу. И вот это молчание оказалось важнее любой шутки. Я повернула голову. Он смотрел на горящий ров, а я на него.

— Остальные заразны и мне не интересны, — произнёс Доктор уже совсем другим голосом. Холодным, деловым, лишённым всякого веселья.

Он подозвал помощника, который оказался на голову ниже доктора.

— Проверить, все ли сгорели.

Мужчина побледнел.

— Понял.

— Вот теперь и я счастлив. — В голосе Доктора слышался сарказм, смешанный с умиротворением.

Он отпустил помощника движением руки. Я смотрела на него, не веря своим ушам. Маска с клювом покосилась на меня.

— Не обольщайтесь. Я просто хочу изучить болезнь. Быть может, ваша смерть не будет такой уж напрасной. Мне начинает казаться, что вы собираетесь искать во мне хорошие качества. Не ищите. Их там нет, — заметил он. — Многие искали. Никто не нашел.

Глава 15

Я впервые улыбнулась ему сознательно. Совсем немного. Губы тут же заболели, но я улыбнулась. Он заметил. Конечно, заметил.

— Вот видите, — произнёс Доктор. — А говорили, совсем умираете.

— Это вы говорили, — слабым голосом ответила я.

— Я врач. Мне всегда положено готовиться к худшему.

Мужчина с носилками, стоявший у моих ног, наконец решился заговорить:

— Господин доктор, куда её нести?

Доктор не ответил сразу. Его взгляд снова скользнул по мне: по почерневшим венам, по окровавленному платью, по лицу. Я почувствовала себя разложенным на столе редким животным. Странное облегчение исчезло. Вернулся страх, потому что вдруг я ясно поняла: он меня не спас. Он просто забрал меня для изучения.

— В мой экипаж, — наконец приказал Доктор, после недолгого раздумья. — Если, конечно, нет желающих бежать следом за экипажем с носилками в руках.

Помощник удивлённо вскинул голову.

— В ваш экипаж? — переспросил он.

— Сегодня у всех проблемы со слухом? Мне поискать подходящий диагноз? Или само пройдёт? — язвительно спросил Доктор.

— Нет, господин. Просто... если она не переживёт дорогу, может, разумнее оставить её здесь, в изоляторе?

Доктор лениво постучал тростью по мокрой земле.

— Если она умрёт здесь, я не узнаю ничего нового.

— А если по дороге? — спросил помощник.

— Тогда хотя бы развлечёт меня попыткой выжить. Это будет очень интересно.

У меня внутри похолодело. Помощник помолчал, а потом спросил:

— После осмотра что с ней делать?

Вот теперь Доктор посмотрел на него. Не мельком. Медленно повернул маску. Помощник сразу расправил плечи.

— Мы выезжаем сейчас?

— Да, — ответил Доктор, и в его голосе снова появилось весёлое спокойствие. — Мертвецы за сегодняшний день достаточно нас задержали. Нам пора бы уже быть в столице. Я уверен, что сейчас там начинается самое интересное.

Мужчина кивнул, но всё ещё смотрел на меня.

Доктор замолчал. Я почувствовала, как по коже пробежал холод. Он подошёл ближе и кончиком трости приподнял край одеяла, которым меня успели накрыть. Посмотрел на меня. Я лежала совершенно неподвижно. Просто сил бояться больше не было.

У меня вспыхнула надежда. Глупая, мгновенная, такая яркая, что я чуть не заплакала. А Доктор весело добавил:

— Мадам, не сочтёте ли вы за вопиющее нарушение этикета умереть в моей карете?

Надежда оборвалась. Он постучал тростью по краю носилок. Один раз. Словно отметил заинтересовавший его экспонат.

— Если да, то прошу умирать помедленней. Я просто буду

записывать.

И в этот момент я окончательно поняла: муж бросил меня в чумной ров, а человек, который меня оттуда вытащил, возможно, был гораздо страшнее мужа.

Глава 16

Носилки качнулись, и я судорожно вцепилась в одеяло, когда мужчины подняли их выше и понесли к чёрному экипажу.

От резкого движения боль прошла плечо, спустилась по рёбрам и вспыхнула где-то под лопаткой, горячая и тупая, будто кто-то вдавил раскалённый прут между костями. Я прикусила губу, но стон всё равно вырвался наружу — жалкий, мокрый, больше похожий на всхлип.

Доктор услышал. Разумеется. Он вообще, кажется, слышал всё. Даже то, что я предпочла бы оставить при себе.

— Осторожнее, — бросил он мужчинам, шагавшим впереди. Голос по-прежнему звучал лениво, почти скучающе, но тот, кто держал носилки возле моих ног, тут же замедлился, втянув голову в плечи. — Я потратил на неё уже непозволительно много времени. Будет обидно, если она умрёт от вашего идиотизма. Это ничего не даст науке.

Я повернула голову. Шея хрустнула, и перед глазами на мгновение потемнело.

— Очень... утешает...

Слова дались тяжелее, чем хотелось показать. Язык стал неповоротливым, будто распух и едва помещался во рту. На

зубах скрипел песок. Каждый вдох проходил через грудь с неприятным влажным хрипом, а где-то глубоко под рёбрами перекачивалась горячая жидкость, тяжёлая и чужая.

Доктор шёл рядом. Трость мерно ударялась о мокрую дорогу. Тук. Тук. Тук. Этот звук стал единственным ровным, предсказуемым ритмом в мире, который давно потерял всякую устойчивость.

— Не благодарите, — произнёс он, даже не взглянув на меня. Кончик трости обогнул лужу. — Обычно за утешение я беру дополнительную плату. Но поскольку вас уже ограбил собственный муж, то счет я пришлю ему.

Экипаж оказался ближе, чем я думала. Чёрный, почти без украшений, если не считать тонких золотых линий по дверцам и красного знака, похожего на раскрытый глаз, перечёркнутый длинной иглой.

На крыше были привязаны кожаные кофры для хранения вещей, потемневшие от дождя, а возле заднего колеса висел металлический ящик, на стенках которого виднелись свежие царапины. Лошади — пара крупных вороных с белыми пятнами на мордах — нервно перебирали ногами и косились в сторону горящего рва.

Один из помощников распахнул дверцу, и внутри вспыхнул мягкий золотистый свет.

Я ожидала увидеть бархатные сиденья, подушки и пледы. Всё-таки экипаж принадлежал человеку, который ходил по чумным рвам в плаще с золотой вышивкой и опирался на

трость, стоившую, наверное, больше, чем годовое жалованье нашего управляющего.

Но внутри оказалось нечто среднее между каретой и лекарским кабинетом. По стенам тянулись узкие шкафчики с латунными защёлками, и на каждой защёлке был выгравирован номер.

В специальных гнёздах стояли десятки флаконов: прозрачных, зелёных, янтарных, почти чёрных. Некоторые были обмотаны тонкой проволокой, будто содержимое могло вырваться наружу от тряски.

Под потолком висела лампа, внутри которой вместо огня медленно вращался золотой магический шар, отбрасывая на стены мягкие, живые тени. Одно из широких сидений было разложено, превращаясь в узкую кушетку, застеленную белой тканью.

Белой.

Я смотрела на неё и вдруг подумала, как быстро она станет грязной.

— Вносите, — приказал Доктор, придерживая дверцу рукой в перчатке.

Я посмотрела внутрь и впервые пожалела, что Доктор всё-таки велел вытащить меня из рва.

Глава 17

Мужчины осторожно подняли носилки. Карета качнулась. Меня внесли внутрь ногами вперёд, и потолок из тёмного дерева навис надо мной так близко, что я невольно втянула

голову.

Стоило оказаться в тепле, как тело словно сошло с ума. До этого я замерзала.

Мне казалось, что отдам всё на свете за сухое помещение, горячее одеяло, хоть какое-нибудь тепло.

Но стоило дверце закрыться, отрезав дождь и ветер, как по коже побежал огонь. Платье моментально стало невыносимым.

Мокрая ткань облепила грудь, живот, ноги, и каждый слой материи превратился в горячий компресс. Волосы под затылком казались обваренными, будто их опустили в кипяток. Воздух стал густым, напитанным запахами трав, кожи и крови. Мне перестало хватать дыхания.

Я дёрнула ворот.

— Жарко...

Помощник, стоявший возле носилок, отступил на полшага. Его глаза бегали по моему лицу, но он старательно держал дистанцию, будто между нами была невидимая стена.

— У неё снова поднимается температура, господин доктор, — сообщил он, и в его голосе проскользнула гордость человека, сделавшего важное открытие.

Доктор поставил трость в специальное крепление возле двери. Латунный зажим щёлкнул.

— Вы сегодня решили поразить меня количеством диагнозов на глазок? — поинтересовался он, снимая широкополую шляпу и вешая её на крючок.

Под шляпой оказался чёрный капюшон, плотно охватывавший голову и скрывавший волосы. Ни пряди не выбивалось наружу. Маску он не снял.

Почему-то я испытала разочарование. Глупое, абсолютно неуместное. Мне сейчас следовало думать о том, как не умереть, а не о том, какое лицо скрывается под клювом. Но мысль всё равно кольнула: что спрятано под этой чёрной кожей и красными рунами?

— Я только предположил. — Помощник опустил глаза.

— Не предполагайте, — посоветовал Доктор, стягивая вторую перчатку. Кожа под ней оказалась бледной, с длинными пальцами и коротко остриженными ногтями. — Это пагубная привычка. Сначала люди начинают предполагать температуру, а потом — возможности начальства. И вот тут начинаются трагедии.

Он бросил перчатки в металлическую чашу, вделанную в стенку экипажа. Изнутри выскользнул красный огонёк, похожий на тонкую змейку. Кожа перчаток мгновенно почернела, свернулась, и через несколько секунд на дне чаши осталась только горстка серого пепла.

Я смотрела на неё, не в силах отвести взгляд.

— Вы... сожгли их.

— Поразительная наблюдательность заразна, — заметил Доктор, открывая один из ящиков. Пальцы перебегали по инструментам, выбирая нужное. — Признайтесь, я вас этим заразил?

Он достал стеклянный флакон, несколько сложенных полос ткани и маленький серебряный инструмент, похожий на ножницы с закруглёнными концами.

— В основном потому, что я только что лазил в могиле. Я не настолько сентиментален, чтобы носить с собой частички умерших. Может, однажды стану. Но не сейчас.

Я закрыла глаза.

Перед ними тут же появился ров. Серое небо. Детская рубашка. Огонь, ползущий по мокрым простыням. Запах, который невозможно вытравить из памяти.

Я распахнула веки. Нет. Только не сейчас. Если закрывать глаза опасно, я буду смотреть. На шкафчики. На лампу. На чёрную маску. На что угодно, только не внутрь собственной головы.

Доктор подошёл ближе и положил ладонь мне на лоб. Голую. Без перчатки.

Глава 18

Я опять вздрогнула. Кожа его была сухой и очень тёплой, и прикосновение оказалось настолько непривычным после часов холода, что я едва не подалась ему навстречу.

Он не обратил внимания на мою реакцию.

— Горячая, — задумчиво произнёс он, и в его голосе не было ни тревоги, ни сочувствия.

Помощник у двери едва заметно подался вперёд, и по его напряжённой спине я поняла: он хочет сказать «я же говорил». Но вовремя вспомнил, с кем имеет дело, и промолчал.

Доктор повернул к нему клюв.

— Если сейчас скажете, что предупреждали, я попрошу вас проверить температуру всех покойников в следующей яме. На ощупь. Каждого. А потом вывести среднюю температуру по рву.

Мужчина мгновенно выпрямился.

— Я ничего не собирался говорить, — произнёс он, опустив глаза.

— Прекрасно. Продолжайте молчать в том же духе.

Доктор снова посмотрел на меня. Его ладонь всё ещё лежала на моём лбу, и я чувствовала, как жар моего тела встречается с теплом его кожи. Или наоборот — моя кожа жадно тянулась к этому теплу, впитывала его, как сухая земля впитывает дождь. Хотя прохладными его пальцы не были. Наоборот. Слишком тёплыми. Ненормально тёплыми. Как человек может быть таким горячим?

— Как вас зовут? — спросил он.

Я моргнула. Вопрос был настолько неожиданным после всего, что мозг отказался его обработать.

— Что?

— Имя, мадам. — Он убрал руку с моего лба и вытер пальцы о край своего плаща. — Обычно родители дают его ребёнку вскоре после рождения. Иногда удачное. Иногда нет. Я хочу знать, какой вариант достался вам.

Я открыла рот. И неожиданно поняла, что не хочу отвечать.

Почему? Не знаю. Может, потому что имя было последним, что ещё принадлежало только мне. Муж забрал украшения. Кучер — остатки достоинства. Чума забрала здоровье. Этот человек забрал моё тело из могилы и теперь соби-
рался разбирать его по симптомам. Имя хотелось оставить себе. Единственное, что не было испачкано чужими руками.

— Зачем вам мое имя? — прошептала я, вздыхая.

— Придумывать обидные рифмованные прозвища! — заметил Доктор с усмешкой. — Для чего же ещё нужно имя!

— Неважно, — прошептала я, отводя взгляд.

Доктор замер. Потом медленно склонил голову, и красные руны на клюве вспыхнули в свете лампы.

— О, нет. Теперь мне особенно интересно. Вы умеете заинтриговать! — произнёс он, проверяя какие-то инструменты. Неприятное лязганье отдалось в моих зубах.

— Зачем вам моё имя? — спросила я, пытаюсь разговаривать сквозь жар.

— Чтобы написать на могильной табличке. Безымянные могилы выглядят неряшливо и скучно. Никакой истории. Никаких предпосылок для фантазии. Кто лежит? Мужчина или женщина? Сколько прожил! А так обычно смотришь и можно придумать целую историю.

Я сжала губы.

— Тогда точно не нужно.

— Предпочитаете безымянную? — спокойно спросил он.

— Я предпочитаю не умирать, — прошептала я, чувствуя,

как губы еле шевелятся.

Глава 19

— Мадам, мы снова возвращаемся к вашим завышенным требованиям к медицине. Не надо так, — заметил он с усмешкой.

Я раздражённо отвернулась. И тут же пожалела. Мир качнулся. В виске вспыхнула боль, к горлу подкатила тошнота, по затылку прошла горячая волна, а руки вдруг стали тяжёлыми и чужими, будто наполнились свинцом.

Я застонала, вцепившись пальцами в край кушетки.

Доктор мгновенно перестал шутить. Его пальцы легли мне на подбородок и повернули лицо к себе.

— Смотрите на меня, безымянная леди!

Чёрные стёкла оказались совсем близко. В них отражалась лампа — два золотых огонька вместо глаз.

— Сколько пальцев?

Перед моим лицом появилась его рука. Пальцев было три. Потом пять. Потом снова три. Они плыли, множились, исчезали.

— Три... — произнесла я после паузы.

— Плохо, — произнёс он спокойно, и одно это слово содержало в себе больше информации, чем все предыдущие шутки вместе взятые.

— Почему?

— Потому что показываю два. И сейчас нам предстоит выяснить, в чём проблема. В нынешнем уровне образован-

ности населения или в болезни. Хотелось бы винить образование.

Меня охватил страх. Холодный, липкий, поднимавшийся откуда-то из желудка. Я попыталась приподняться.

— Что со мной?

Доктор надавил ладонью на плечо, возвращая меня обратно. Сильно. Без усилий, но так, что я сразу поняла: сопротивляться бесполезно.

— Я ослепну? — с ужасом спросила я, вспоминая, что дворецкий перед смертью ничего не видел. Он сам говорил об этом, сжимая мою руку.

— Нет, — заметил он, деловито перебирая какие-то флаконы. Звон стекла звучал в голове, словно набат.

— Откуда вы знаете?!

— Потому что я доктор, — послышался голос.

— Вы сами говорили, что ужасный! — прошептала я, боясь, что он меня уже не слышит, а слова звучат в моей голове.

— Я говорил, что добрый. Ужасным меня назначили вы. Я пока ещё не достоин повышения.

Я попыталась рассмотреть его пальцы ещё раз. Два. Кажется. Два.

— Теперь два.

— Вот как вам удастся, так быстро меня радовать? — заметил он с усмешкой. — Вы просто не человек, а источник моей радости.

Он повернулся к помощнику, стоявшему у двери.

— Воды.

Мужчина открыл один из шкафчиков и достал узкую серебряную бутылку. Не приблизился. Протянул её Доктору вытянутой рукой, отвернув лицо, будто передавал не воду, а заряженное оружие.

Это движение я заметила. И Доктор тоже. Маска чуть повернулась.

— Вы боитесь бутылки?

— Нет, господин доктор.

— Тогда почему держите её так, словно она собирается вас укусить? В истории ещё не зарегистрировано ни одного случая, когда бутылка укусила человека, — заметил Доктор.

Помощник замялся. Его пальцы побелели на горлышке.

— Она была рядом с больной.

Доктор несколько секунд смотрел на него. Тишина стала плотной, осязаемой. Потом взял из рук помощника бутылку.

— Выйдите. Вы вполне можете бояться заразы в другом месте.

Мужчина побледнел.

— Господин доктор...

— Я сказал: выйдите. И прикажите кучеру трогать. А то мы и так опаздываем, — заметил Доктор, доставая золотые часы с гербом, который я не успела разглядеть.

— Но...

— Вон.

Последнее слово прозвучало негромко. Без крика. Без

угрозы. Просто два слога, произнесённые с такой абсолютной уверенностью в своём праве быть услышанным, что помощник дёрнулся так, словно его ударили. Открыл дверцу на ходу и выпрыгнул наружу, едва не споткнувшись о подножку.

А мы остались в карете вдвоём — я и человек, который не боялся чумы.

Глава 20

Холодный воздух ворвался в карету, принёс запах дождя, мокрой травы и далёкого дыма. Я вдохнула его жадно, и на мгновение стало легче.

Доктор сам захлопнул дверь. Щёлкнул замок.

Я смотрела на него.

— Вы его уволили? — произнесла я.

Я понимала, что это глупый вопрос. Но мне казалось, что если я умолкну, то умолкну уже навсегда. Пока я говорила, я чувствовала себя живой. И это вдруг показалось таким бесценным.

Доктор открутил крышку бутылки.

— Пока нет.

— Но вы сказали...

— Я сказал выйти из кареты. Удивительно, сколько сложностей вызывает у людей понимание простых глаголов. Всё-таки образование сейчас очень хромает. Со своей стороны, я могу лишь наложить шину или выдать трость. Но боюсь, это не поможет.

Он подsunул руку мне под затылок. Ладонь была тёплой, широкой, и пальцы его устроились у основания моего черепа так, словно делали это тысячу раз.

— Пейте, — произнёс Доктор, подсовывая мне под нос узкое горлышко с запахом горьких трав.

Я отвернулась.

— Не хочу, — простонала я, понимая, что мне больно глотать. Казалось, что один глоток убьёт меня. — Мне больно глотать и меня тошнит. Меня может вырвать...

— Постарайтесь не на меня. Этот костюм мне нравится.

Несмотря на слабость, я зло посмотрела на него. Доктор приподнял мою голову выше, и горлышко бутылки коснулось моих губ.

— Маленькими глотками. Не жадничайте. Пейте так, словно вы на королевском приеме, у вас в руках бокал вина, в роду все алкоголики, вы ужасно боитесь за репутацию, а все гости как назло смотрят на вас.

Вода с травами коснулась языка. Я сделала первый глоток. Горло свело болью, будто внутри всё было исцарапано. Я закашлялась и едва не подавилась. Доктор тут же убрал бутылку, удерживая меня другой рукой за плечо.

— Дышите.

Я зажмурилась. Перед глазами плыли красные круги.

— Больно...

— Могу представить.

В этот раз он не пошутил. Просто подождал, пока кашель

отпустит. Ладонь лежала под моим затылком. Тёплая. Сильная. Терпеливая. Когда дыхание немного выровнялось, он снова поднёс воду с травами.

— Ещё. Помним, на вас смотрят гости!

Я послушалась. Потом ещё раз. После третьего глотка желудок скрутило, и я резко отвернулась.

— Нет...

Доктор едва успел поставить бутылку на пол. Меня вырвало водой и кровавой слизью прямо на белую ткань возле края кушетки. Стыд ударил сильнее боли. Я застонала и закрыла лицо ладонями, чувствуя, как щёки горят.

— О, боги!

Доктор спокойно придерживал меня за плечо, пока судороги не прекратились. Его пальцы не дрогнули. Не сжались. Не отстранились.

— Не советую тратить молитвы на это, — произнёс он, когда моё дыхание выровнялось. — Думаю, у богов сейчас большая очередь. Столетия на два вперёд. Пока они рассмотрят все молитвы, пока начнут думать, что с ними делать... До вашей молитвы очередь дойдёт лет через двести.

Слёзы выступили сами. Горячие, унижающие.

— Простите...

Я опустила руки. Он смотрел на испачканную ткань.

— А теперь признавайтесь, вы сделали это специально?

Я не поняла.

— Что?

— Испачкали мою карету. Намеренно. С целью причинить мне моральный ущерб и прочие страдания?

— Конечно, нет!

— Тогда не вижу состава преступления. Но если хотите, я могу на вас пообижаться. Если вам от этого станет легче.

Доктор потянул за угол белой простыни, ловким движением свернул загрязнённую часть внутрь и откинул ткань в металлический контейнер у стены. Крышка захлопнулась. Магическое пламя вспыхнуло почти сразу, и за узкой решёткой огонь пожирал мою кровь, превращая её в ничто.

Я смотрела на оранжевые отсветы.

— Здесь всё сжигается?

— Почти.

— А что не сжигается?

Он повернул ко мне маску.

— Я.

Глава 21

Мне стало холодно. Не от озноба. От того, как он это сказал. Не похвастался. Не пошутил. Просто сообщил факт, как сообщают, что вода мокрая, а огонь горячий.

Доктор достал из ящика тонкую стеклянную трубку, маленькую иглу и ещё один флакон с тёмной жидкостью. Я напугалась.

— Что это?

— Сейчас узнаете. Не хочу раскрывать секрет раньше времени, — деловито произнёс Доктор.

— Я не хочу, — прошептала я, понимая, что один вид этого инструмента меня пугает.

— Мне кажется, наши отношения начинают развиваться по предсказуемой схеме. Вы отказываетесь, я настаиваю, вы злитесь, я шучу, вам становится хуже, я вас осматриваю. Мы лишились момента непредсказуемости. С этим нужно что-то делать!

Он взял мою руку. Я попыталась выдернуть. Пальцы не слушались. Доктор развернул ладонь вверх и провёл большим пальцем по сгибу локтя, нащупывая вену.

— Что вы будете делать?

— Играть в комара. Могу даже жужжать над ухом, если вам так будет проще.

Я с ужасом смотрела на иглу, чувствуя, как всё внутри сжимается.

Он поднял голову. Я сжала пальцы в кулак.

— Вы уже осматривали меня. В яме. Может, хватит?

Доктор несколько секунд молчал. Потом присел на край сиденья напротив.

Странно. Я ожидала, что он просто удержит меня. Он был сильнее. Я видела это ещё в яме: одной рукой двигал трупы, которых двое мужчин боялись коснуться. Мог взять моё запястье, ввести иглу и даже не заметить сопротивления.

Но не сделал.

— Хорошо, — произнёс он. — Я объясню. Хотя сомневаюсь, что комары объясняли причины своих поступков.

Я растерянно моргнула.

Он поднёс прозрачную трубку к свету лампы. Золотой шар отразился в стекле, и на мгновение внутри трубки вспыхнул маленький огонёк.

— Я хочу посмотреть вашу кровь не потому, что мне нравится коллекционировать жидкости незнакомых дам. У меня есть более интересные увлечения.

— Какие?

Вопрос сорвался сам, раньше, чем я успела его остановить. Не потому, что мне было интересно. А потому что мне казалось, что чем больше я с ним говорю, тем больше шансов, что он передумает пользоваться иглой.

Доктор чуть наклонил голову.

— Как быстро вы приходите в себя. Ещё минуту назад умирали, а уже задаёте праздные вопросы.

Я прикусила губу. Он продолжил уже серьёзнее, и голос его потерял игривость:

— У вас последняя стадия болезни. По меньшей мере та, которую мы считаем последней. У людей с такими сосудами на шее, таким языком и кровохарканьем обычно остаётся несколько часов. Иногда меньше.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Будто кулак сжал желудок и не отпускал.

— Мне страшно, — всхлипнула я. — Вы не представляете, насколько...

Слова прозвучали очень тихо. Я сама не ожидала, что при-

знаю. Не ему. Не сейчас. Не после всего, что случилось. Но они вырвались, и забрать их обратно было уже невозможно.

Доктор не пошевелился.

— Это нормально. Страх помогает людям не лезть туда, куда дракон свой хвост не совал. Ваш бы страх магам, решившим распечатать гробницу тысячелетней давности и потревожить бранные и заразные останки одного выдающегося деятеля магического искусства. Собственно, с этого всё началось. Так что страх иногда даже полезен.

Я посмотрела на него. Вот сейчас я ждала шуток. «Наконец-то у вас нормальный симптом». «Страх вам к лицу». Что-нибудь в его духе, что-нибудь, что вернёт привычную дистанцию между нами.

Но он молчал.

— И всё? — спросила я.

— А что вы хотите?

Я сглотнула. Горло болело.

— Не знаю.

— Погодите, вы хотите, чтобы я вам красиво солгал? Не так ли?

Глава 22

Он немного наклонился вперёд, и свет лампы упал на красные руны, заставив их вспыхнуть.

— Хотите, я скажу, что вы непременно поправитесь? Что завтра проснётесь здоровой? Что богиня решила лично вмешаться, а ваш замечательный супруг внезапно обрёл совесть

и уже мчится обратно с цветами и извинениями?

Последние слова обожгли. Я отвернулась.

— Нет.

— Вот и я не люблю врать пациентам. Современная магическая медицина строится на взаимной лжи. Пациенты врут врачам, врачи пациентам. Я не участвую в этом порочном круге.

— Вы вообще кого-нибудь успокаиваете?

— Разумеется. — В голосе я слышала всё то же спокойствие.

— Как?

В голосе Доктора появилась улыбка. Я не видела её, но слышала.

— Обычно я говорю: «Не волнуйтесь. После смерти боль перестанет».

Я закрыла глаза и простонала.

Карета качнулась. Колёса прошли по яме, и боль прострелила спину, отдавшись в каждом ребре. Я зашипела и вцепилась пальцами в край кушетки. Доктор дождался, пока приступ отпустит, и только тогда продолжил:

— Так вот. Кровь.

Он снова показал трубку.

— Мне нужно понять, что происходит внутри вас. Возможно, вы умрёте через час. Возможно, через три. Но сейчас ваше состояние почему-то отличается от того, которое я ожидал увидеть.

— Чем? — вяло спросила я.

— Пока не знаю. И это меня раздражает, — невозмутимо заметил Доктор. — И поэтому...

Я посмотрела на иглу. Тонкую. Блестящую. Он протянул мне руку. Ладонь вверх. Открытую.

— Разрешите?

Я уставилась на его ладонь. Потом на маску.

Разрешите?

Муж не спрашивал, можно ли сорвать с меня колье. Кучер не спрашивал, можно ли выволочь из кареты. Никто сегодня ничего не спрашивал. А этот человек, который несколько минут назад приказал сжечь сотни тел, почему-то спрашивал разрешения взять несколько капель крови.

Это сбивало сильнее его шуток.

— Вы всё равно возьмёте, если я скажу нет? — спросила я.

Он задумался. По-настоящему. Я видела это по тому, как маска чуть повернулась, как пальцы перестали двигаться.

— Тогда я просто подожду, когда вы потеряете сознание, и всё равно возьму её.

Я нервно усмехнулась.

— Какая прекрасная свобода выбора.

— Я же не говорил, что я даю свободу выбора. Я немного тиран.

Почему-то я поверила ему ещё больше. Потому что он не солгал. Не сказал: «Конечно, нет, мадам, ваше слово — за-

кон». Он сказал правду, и правда эта была честнее любой лжи.

Медленно протянула руку.

— Берите, — обреченно простонала я, отвернувшись, чтобы не видеть этого.

— Вот видите, — одобрил он, и в голосе прозвучало тёплое, почти отеческое удовлетворение. — Мы уже учимся сотрудничать. Ещё немного — и я начну вами гордиться.

Он рассмеялся. На этот раз громче, чем обычно. Не издевательски. С явным удовольствием, и смех этот за маской звучал глуше, но оттого казался более настоящим.

— Мадам, — произнёс Доктор, перетягивая мою руку тонкой лентой чуть выше локтя, — если вы всё-таки переживёте эту ночь, у меня появятся на вас далеко идущие медицинские планы.

Глава 23

Что-то внутри дёрнулось. Непонятно, почему. Не сердце. Не страх. Что-то другое, чему я не знала названия. Но он уже наклонился к руке, и все глупые мысли исчезли.

Боль была небольшой. После разорванного уха, рёбер и чумного рва — почти смешной. Укол комара в сравнении с пожаром.

Я наблюдала, как тёмная кровь медленно заполняет стеклянную трубку. Слишком тёмная. Почти чёрная. В ней клубились тонкие нити, похожие на дым, и они двигались, шевелились, будто жили собственной жизнью.

Доктор тоже смотрел. Веселье исчезло из его позы полностью.

— Это чума? — спросила я.

— Определенно, да.

Он наполнил трубку всего на несколько пальцев и сразу вытащил иглу. Прижал к проколу кусок чистой ткани.

— Держите. Прижмите.

Я послушно прижала. Ткань была прохладной и пахла чем-то горьким, травяным.

Доктор поднял пробирку к золотому шару под потолком. Чёрные нити внутри шевельнулись, потянулись к свету и отпрянули, будто испугались.

— Что теперь?

— Теперь я буду заниматься любимой частью моей работы, — произнёс он, разглядывая содержимое пробирки.

— Какой?

— Не понимать.

Я посмотрела на него. Он уже отвернулся к рабочему столу, встроенному в стенку экипажа.

Он открыл маленький деревянный футляр, обитый изнутри бархатом, и достал тонкую пластинку белого камня. Капнул на неё моей кровью из трубки. Кровь растеклась круглым пятном, и чёрные волокна поползли к краям, как корни растения.

Доктор достал из кармана металлический стержень, тонкий, как вязальная спица, и коснулся им капли.

На камне вспыхнула красная руна. Потом вторая. Третья. Знаки проступали изнутри камня, будто кто-то зажигал их один за другим.

Я смотрела заворожённо.

— Что это значит?

— Сейчас узнаем.

Красные символы начали гаснуть. Один за другим. Медленно, как свечи на ветру.

Доктор перестал двигаться. Я заметила это сразу. Не потому, что он был слишком подвижным. Наоборот. Но до этого в нём всё время что-то жило: пальцы перебирали инструменты, трость стучала, маска поворачивалась, голос играл интонациями. А сейчас он просто застыл. Рука со стержнем замерла в воздухе. Плечи напряглись.

— Что? — спросила я.

Он не ответил. Наклонился ближе к пластинке. Потом взял пробирку. Повернул к свету.

— Доктор?

Тишина.

Мне стало страшно.

— Вы же сказали, что будете всё объяснять. Вы молчите. Это нечестно, — испуганно произнесла я.

— Жизнь вообще отличается дурным воспитанием. Или вы этого ещё не заметили?

Но даже эта фраза прозвучала рассеянно. Он смотрел на кровь. Не на меня. Не на камень. На пробирку, в которой

чёрные нити продолжали своё медленное движение.

Я попыталась приподняться на локте.

— Что там?

Доктор внезапно поднёс пробирку почти к самому стеклу маски. Долго смотрел. А потом тихо произнёс:

— Любопытно.

Глава 24

По спине пробежал холод. Я уже знала. Когда этот человек говорил «любопытно», хорошего ждать не следовало.

— Что любопытно?

Он достал вторую белую пластинку. Ещё одну каплю. Новая руна. Красная. Яркая. Она вспыхнула и начала медленно тускнеть. Доктор отсчитал что-то про себя. Я видела по движению пальца. Раз. Два. Три. На пятом красное сияние исчезло.

Он повернул ко мне маску.

— Когда у вас впервые появился кашель с кровью?

— Сегодня. Может, вчера... Я не знаю, сколько лежала там... Я несколько раз теряла сознание...

— Сколько дней, часов назад?

— Не знаю.

— Примерно.

Я попыталась вспомнить. Карета. Дорога. Муж напротив, прижимающий платок к лицу. Кровь на батисте. Его глаза, в которых не было ни капли жалости. От воспоминания желудок снова сжался.

— До полудня... Наверное.

Доктор быстро посмотрел в маленькие часы, встроенные в крышку медицинского ящика. Циферблат был тёмным, стрелки — золотыми.

— А чёрные сосуды?

— Утром, — прошептала я, пытаюсь восстановить хронологию.

— На языке?

— Не знаю. Я не разглядывала язык. Но разговаривать могла.

— Удивительно непредусмотрительно.

Теперь в голосе снова появился сарказм. Но слабый, натянутый. Он думал о чём-то другом. Я чувствовала это по тому, как его пальцы барабанили по краю столика.

— Что происходит?

— Пока ничего, — растягивая каждое слово, произнёс Доктор.

— Вы врёте, — прошептала я, пытаюсь погасить внутри пожар паники.

Он повернул голову.

— Там, у рта, вы тоже сказали «удивительно». Когда смотрели мне в рот. И сейчас сказали «любопытно». — Я покачала головой и тут же пожалела: мир поплыл, и к горлу подкатила тошнота. — Что с моей кровью?

Доктор молчал. Он медленно поставил пробирку в держатель.

— Чума в вашей крови есть.

Я замерла.

— Значит...

— Я не закончил.

Он провёл пальцем по погасшим рунам на белой пластинке.

— Её много. Очень много. Настолько, что вы действительно должны лежать там, откуда я вас только что вытащил. Молча. Без признаков жизни.

Холод скользнул под рёбра.

Доктор открыл ещё один ящик и достал толстую книгу в кожаном переплёте. Страницы были тонкими, почти прозрачными, с пожелтевшими краями. Он быстро перелистнул несколько десятков листов. На полях были схемы человеческих тел, сосудов, странные символы и цифры, выведенные мелким почерком.

Он нашёл нужное место. Сравнил. Снова посмотрел на пластинку.

— Не понимаю, — пробормотал он.

И впервые эти слова прозвучали не весело. Ему это не нравилось. От этого мне стало совсем не по себе. Потому что человек, который не понимал, пугал меня сильнее человека, который знал наверняка.

Доктор хлопком закрыл книгу.

— Сейчас около девяти вечера. Если мне не врут часы. Получается, первые симптомы появились у вас не меньше

двенадцати часов назад. Обычно смерть наступает в течение двенадцати—семнадцати часов.

Глава 25

Он приблизился и снова положил пальцы на мою шею. Я хотела оттолкнуть. Но замерла. Потому что прикосновение было осторожным, почти невесомым, и я почувствовала, как его большой палец скользит по одной из чёрных вен. Потом по второй. Неприятное давление. Не боль. Но что-то рядом с болью.

— Что вы...

Он достал из кармана кусочек белого мела.

— Мадам, не сбивайте меня с мысли.

Я закатила глаза.

Он поставил на моей шее маленькую белую точку у конца чёрной прожилки. Потом вторую. С другой стороны. Магический мел был холодным, и от него на коже остался лёгкий зуд.

— Что это?

— Метки. Через некоторое время я посмотрю, куда продвинется чернота.

Доктор убрал магический мел в карман.

Я облизнула губы. Они были сухими, потрескавшимися.

— А если продвинется? — спросила я.

— Значит, вы умираете предсказуемо, — спокойным голосом ответил Доктор.

— А если нет? — Мой голос был настолько тихим, что

мне казалось, он меня даже не услышал.

Он не ответил.

Карета снова качнулась. Снаружи донёсся крик кучера, хлёсткий, нетерпеливый. Колёса ускорились, и стук копыт стал чаще.

Я почувствовала, как дрожь возвращается. Сначала в пальцы. Потом в плечи. Зубы застучали друг о друга, и я не могла их остановить. Только что мне было жарко, платье липло к телу, воздух давил на грудь. Теперь холод пришёл изнутри. Будто кто-то залил ледяную воду прямо в кости, и она растекалась по суставам, по позвоночнику, по каждой жилке.

— Мне холодно...

Доктор тут же отложил инструменты. Накрыл меня ещё одним одеялом. Шерстяным, тяжёлым, пахнущим дымом. Потом вторым. Не помогло. Я свернулась, насколько позволяли рёбра, подтянула колени к груди и всё равно тряслась.

— Холод-д-дно... — Выбивали ритм мои зубы, а я чувствовала, как у меня коченеют ноги и руки. Одеяло меня почти не грело.

— Знаю.

Он коснулся моего виска.

— Ну что ж вы так? Решили меня покинуть? Я стал вам настолько неинтересен, что вы предпочли умереть, чтобы не разговаривать со мной? — В голосе послышалась насмешка.

Я не ответила. Просто не смогла.

— На меня смотри!

Голос стал жёстче. Требовательнее. В нём отчётливо прозвучал приказ.

Я попыталась сфокусироваться на красных рунах. Они расплывались, двоились, превращались в бесформенные пятна.

— Я... хочу... спать, — дрожащим голосом простонала я.

— Мне тоже много чего хочется. Например, горячего чая, камина, уюта и чтобы все вокруг перестали быть идиотами. Но, как видите, моё желание никак не исполняется. Я слышала его голос и чувствовала, как он всё отдаляется и отдаляется от меня.

— Пожалуйста...

— Нет. Мадам, это неприлично засыпать, когда вы лежите перед мужчиной. Это, простите, сильно бьёт по мужской самооценке, — послышался голос где-то далеко.

— Я всего на минуту... — взмолилась я, понимая, что не могу противиться сну. Спать хотелось нестерпимо, глаза сами закрывались, а тело постепенно расслаблялось.

— Мадам. Мы ещё не закончили наш разговор, — напомнил мне далекий голос, а потом меня тряхнуло так, что сон отступил.

Я застонала. Зубы стучали так сильно, что слова дробились.

Доктор вдруг наклонился ближе. Клюв маски оказался почти у моего носа. Я видела каждую царапину на чёрной ко-

же, каждую тёмную прожилку в красных рунах.

— Итак, на чем мы остановились. Наше знакомство только-только началось, а вы уже решили умереть. Это по меньшей мере некультурно, — усмехнулся он.

Я с трудом открыла глаза шире.

— Мне правда очень плохо, — прошептала я, чувствуя, как тело начинает трястись.

— Мадам, не спите.

Голос его стал тихим. Совсем без насмешки. Без иронии. Без привычной брони.

— Не сейчас.

Глава 26

Мне стало страшно от этой перемены. От того, что за всем этим сарказмом, за всеми шутками вдруг проступило что-то настоящее.

— Я умираю? — прошептала я, а смерть уже не пугала меня. Почти.

Он не ответил прямо. Снова взял моё запястье. Пальцы нащупали пульс. Долго. Слишком долго.

— Очень стараетесь.

Я всхлипнула.

Его голос звучал без прежней насмешки. Я слышала это по его дыханию за маской. По тому, как ровно лежали его пальцы на моём запястье. По тому, как он молчал.

Мне вдруг стало гораздо страшнее, чем от всех его шуточек. Потому что шутки означали, что ситуация в его руках.

А молчание — что уже нет.

Доктор резко повернулся к маленькому окошку между каретой и козлами и ударил ладонью по раме.

— Быстрее! — крикнул он кучеру. Голос его был другим. Резким. Лишённым всякой иронии.

— Дорога разбита, господин! — донеслось снаружи, приглушённое стуком колёс.

— Тогда объезжай разбитое!

— Через поле?

— Через небо, если умеешь!

Карета рванула так, что меня отбросило к стенке. Доктор успел подхватить. Его рука обхватила мои плечи, прижала к себе, не давая удариться головой о деревянную панель. Вторая ладонь легла на затылок.

Боль полоснула грудь. Я вскрикнула и оказалась почти прижата к нему. Маска была совсем рядом. Я чувствовала тепло его тела даже сквозь одежду. Слишком много тепла. Ненормально много. Будто под плащом горел огонь.

— Вы горячий, — пробормотала я, и слова вышли сами, раньше, чем мозг успел их проверить.

Он замер.

— Какое дерзкое признание для первого знакомства. Но я польщён, — заметил он, а тон снова стал шутливым.

Я даже не сразу поняла. Потом до меня дошло. Щёки вспыхнули жаром, не имевшим никакого отношения к лихорадке.

— Я не... Я про температуру...

Доктор тихо рассмеялся.

— Как жаль. А я уже настроился! Зачем вы так расстраиваете мужчину? Я как раз собирался записать комплимент на свой счёт.

Мне захотелось провалиться сквозь кушетку. Если бы хватило сил.

— У вас кожа горячая, — упрямо пояснила я, чувствуя, как лицо горит. — Очень. Это ненормально. У вас что? Тоже жар? Или мне кажется?

Он помог мне снова лечь. Поправил одеяло, подоткнул его под плечи.

— Я дракон.

Я решила, что ослышалась. Что жар добрался до мозга и начал показывать мне то, чего не существует.

— Что? — прошептала я, не веря своим ушам. Это что? Очередная шутка? Или мне просто послышалось?

— Дракон, — повторил он буднично, застёгивая шкафчик.

Я смотрела в чёрные стёкла.

— Настоящий?

— Нет. Декоративный. Для красоты. Отлично украшаю собой любой интерьер, — рассмеялся он.

— Я серьёзно. — Я закашлялась. Но на этот раз кашель был глухим и колючим.

— Я тоже.

Глава 27

Я сглотнула. Вот почему. Почему он не боялся рва. Почему касался меня голой рукой. Почему его кожа казалась раскалённой. Почему огонь в его ладони выглядел не заклинанием, а продолжением тела. Дракон. Кто-то из высшей аристократии... Ничего себе... Тогда почему он здесь?

— Поэтому чума меня вежливо обходит стороной, — закончил он. — Человеческие инфекции плохо понимают, что делать с драконьим организмом. Это взаимно. Я тоже часто не понимаю, что делать с человеческим. Вы, людишки, такие слабенькие. Такое чувство, что у вас вся жизнь заключается в том, чтобы поймать инфекцию, сожрать что ни попадя, дристать и хромать.

Я смотрела на него, пытаюсь уложить услышанное в голове.

— Тогда вашей кровью можно лечить людей? — спросила я, вспоминая легенды о драконьей крови.

Он замолчал всего на мгновение.

— Я пробовал, — ответил он небрежно, словно это было совершенно не интересно.

У меня вспыхнула надежда.

— И?

— И ничего. — Он постучал пальцем по медицинскому ящику. — Чума имеет не только обычную, но и магическую природу. Одна часть болезни разрушает тело, другая — магию. Я вводил больным свою кровь. Иногда они даже нена-

долго приходили в себя. А потом человеческий организм отторгал драконью силу, и всё начиналось сначала.

— Значит, ваша кровь не помогает? — прошептала я, понимая, что надежды нет.

— Помогает недостаточно долго, чтобы это имело смысл, — послышался ответ.

Он сказал это раздражённо, словно чума лично оскорбила его, отказавшись подчиняться расчётам.

Я смотрела на него. Дракон. Человек в маске, спокойно шагавший по чумным трупам, внезапно стал ещё менее человеческим. И почему-то это объясняло слишком многое. Слишком многое становилось на свои места.

— Вы можете превращаться?

— Могу, — с явной насмешкой произнёс он.

— И сейчас... можете, — прошептала я, вспоминая, что сейчас проще встретить тех, кто просто кичится драконьей кровью, но на самом деле уже поколений пять как не умеют оборачиваться.

— Нет.

— Почему? — спросила я, вспоминая королевский бал, на котором муж однажды показывал драконы семьи. Высшую знать. Помню, как мы застыли в поклоне и реверансе, когда мимо нас проходил кто-то из драконов. Калейдоскоп картинок стал мелькать перед глазами, а я старательно отгоняла их.

Доктор немного подумал.

— Я не могу обернуться сейчас. Это было бы невежливо по отношению к лошадкам и карете. К тому же, вы плохо поместитесь у меня между зубами вместе с носилками.

Я замерла.

Он повернул голову и опять рассмеялся. Тихо, глухо за маской, и звук этот наполнил карету теплом, которого не давали никакие одеяла.

И в этот момент мир резко ушёл в сторону.

Смех растянулся, стал далёким, чужим. Одеяло перестало ощущаться, как часть меня. Я слышала собственное дыхание будто со стороны. Вдох. Длинная пауза. Выдох. Между ними — пустота, в которой не было ничего. Ни тепла. Ни холода. Ни страха.

— Мадам? Вы ещё со мной? Или уже здороваетесь со своими почившими родственниками? Ответьте мне!

Голос Доктора изменился. Я хотела ответить. Не смогла. Пальцы не слушались. Язык стал тяжёлым, чужим. Перед глазами поплыли чёрные пятна, и красные руны расплылись в них, как кровь в воде.

— Мадам. Я вам не разрешал уходить. Слышите? Не разрешал!

В его голосе появилась сталь. Не просьба. Требование. Приказ, которому подчиняется даже тело.

Я заставила веки дрогнуть. Красные руны. Чёрная маска. Золотая лампа. Всё смешалось, потекло, превратилось в единую кашу света и тени.

— Я рад, что вы ещё здесь. Постарайтесь не портить мне поездку своей смертью. Я разрешаю вам умереть только когда мы приедем.

Глава 28

Почему-то мне хотелось рассмеяться. Он даже смерти пытался приказывать. Будто она была его подчинённой. Будто могла взять и уйти, потому что он так решил.

— Она вас... не слушает... — произнесла я, понимая, что силы меня покидают.

— Кто?

— Смерть...

Кажется, я улыбнулась. Губы болели, но я улыбнулась. На несколько секунд Доктор замолчал. А потом тихо произнёс:

— Не провоцируйте меня. У нас с ней и так очень натянутые отношения.

Я хотела ответить. Не успела. Тьма накрыла мгновенно. Без боли. Без страха. Просто стало тихо. Так тихо, как не было с самого детства.

Я вынырнула от собственного крика.

Грудь разорвало. Тело выгнулось дугой, и рёбра вспыхнули болью. Я хватала ртом воздух, но вместо вдоха из горла вырывался влажный хрип, булькающий, страшный. Что-то держало меня за плечи. Кто-то говорил. Громко. Резко. Я не понимала слов. Они были далеко, на другом конце тоннеля.

Потом воздух наконец прорвался внутрь. Я закашлялась. На губах снова появилась кровь, горячая, солёная.

— Тихо. Тихо. — Голос Доктора постепенно стал узнаваемым, перестал быть просто звуком и превратился в слова.

Я моргнула. Лампа. Шкафчики. Карета. Мы всё ещё ехали. Колёса стучали. Копыта били по дороге.

Доктор сидел рядом. Одной рукой удерживал меня за плечо. В другой был небольшой флакон из тёмного стекла.

— Что...

Горло горело, будто по нему прошлись наждаком.

— Я умерла?

— Нет, вы ещё здесь, со мной, с доктором, который своей добротой действует вам на нервы. — Доктор вздохнул.

Я закрыла глаза от облегчения. И от разочарования. И от того, что не могла понять, чего именно сейчас больше.

Он наклонился ближе.

— Это было не приглашение снова пробовать.

Я слабо улыбнулась.

Я попыталась удобнее устроиться и вдруг замерла. Одеяло скользнуло по груди, и только тогда я поняла, почему больше не чувствую тяжести мокрой ткани. Под шерстью не было ничего.

Я судорожно вцепилась в край одеяла и натянула его до подбородка.

— Где моё платье? — испуганно спросила я, понимая, что пока я лежала без сознания с меня куда-то исчезло платье.

— Какое именно? — невозмутимо спросил Доктор.

— Моё! То, которое было на мне! — прошептала я, крас-

нея от стыда.

— А, это? Сгорело, — спокойно ответил Доктор.

— Что?!

— Вы сами недавно интересовались, что здесь сжигается. Я решил дать наглядный ответ. Жаль, что вы в этот момент были без сознания. Пропустили такой фееричный момент, — усмехнулся он.

Я уставилась на него, чувствуя, как жар заливает лицо куда сильнее лихорадки.

— Вы... меня раздели?

— Если вас утешит точность формулировок, я срезал одежду. Снимать её обычным способом в вашем состоянии было бы слишком долго. — Он продемонстрировал тонкий нож, который ловко повертел и вернул на место.

Я опустила взгляд. Одеяло закрывало меня от ключиц до пят, но под ним действительно не было ничего. Ни платья. Ни сорочки. Ни белья.

— Всю одежду?! — прошептала я, пытаюсь понять, как это ничего не почувствовала.

— Всё, что было мокрым, в крови, грязи и могло разносить заразу, — заметил Доктор.

— Пока я была без сознания?! Вы могли бы хоть предупредить. — Я сглотнула, вспоминая, как жгли одежду и личные вещи слуг на заднем дворе.

Он чуть склонил маску.

— Вы были удивительно удобным пациентом. Не спори-

ли, не возмущались и ни разу не пытались ударить врача. Просто золото, а не пациентка, — заметил он насмешливо.

Я прижала одеяло к груди обеими руками.

— Вы меня видели без одежды.

От ответа захотелось провалиться сквозь кушетку.

— Я вообще-то женщина!

Несколько мгновений он смотрел на меня через чёрные стёкла.

— А я вообще-то доктор. Я видел раздетых мужчин, женщин, стариков. Меня сложно впечатлить видом обнажённого женского тела, так что можете не обольщаться, — заметил он небрежно.

Это почему-то смутило ещё больше. Неужели он действительно смотрел на меня и не видел ничего, кроме симптомов?

— Могли хотя бы предупредить, — проворчала я, понимая абсурдность своих заявлений. Платье действительно стоило сжечь. С этим сложно было спорить. Но сейчас я чувствовала себя смущенно перед ним.

— Вы были без сознания. Я предупреждал. Для приличия, — заметил Доктор, пока я смотрела туда, где ранее сгорели перчатки.

— До этого! Что вы будете снимать одежду, — прошептала я, пытаюсь успокоить себя тем, что он — доктор.

— До этого вы умирали. Не хотел отвлекать вас пустяками.

— Сколько... меня не было? — спросила я, пытаюсь вспомнить, как уходили слуги.

— Несколько минут. — Доктор посмотрел на часы. Я не видела, сколько времени. Перед глазами всё начинало плыть.

Только теперь я почувствовала странное жжение между лопатками. Не глубоко, как в рёбрах. По самой коже, будто туда приложили раскалённую монету. Жжение быстро сменилось мучительным зудом.

Я повела плечом и попыталась завести руку за спину.

Доктор мгновенно перехватил моё запястье.

— Не трогайте!

— Там чешется, — пояснила я, пытаюсь достать дрожащими пальцами до спины и почесать это место.

— Очень рад. Значит, у вас остались силы чесаться, — заметил он.

Я всё-таки попыталась дотянуться и нащупала тугую ткань.

— У меня там повязка? — прошептала я. — Что под ней?

Он отпустил мою руку и совершенно спокойно ответил:

— Побочная магическая реакция на лечение. Я уже обработал. Можете не переживать.

— Я хочу посмотреть, — упрямо повторила я, понимая, что жжение продолжается.

— Нет. — Ответ прозвучал громче и строже, чем обычно.

— Почему?

— Потому что для этого вам придётся встать, найти зер-

кало и желательно не умереть по дороге. Сегодня у вас слишком насыщенная программа, — заметил Доктор. — Итак, полагаю, вы решили умереть раньше времени?

— Я же говорила... хочу поспать.

— Это был крайне неудачный сон, — усмехнулся он.

Он поднёс флакон к моему лицу. Запах ударил в нос, а мне стало дурно. Я не могла понять, или зелье так пахнет, или одна мысль о том, что я что-то съем или выпью вызывала тошноту.

— Выпейте.

Я поморщилась.

— Что там?

— Лекарство. Буду ставить на вас эксперименты. Вы же не против?

Я сделала глоток. И едва не выплюнула. Жидкость обожгла язык, оставив во рту вкус полыни, металла и чего-то смолистого, густого, оседающего на нёбе.

— О, боги! Фу! Это просто невозможно пить!

— Напоминаю, боги рассмотрят вашу молитву лет через двести. Так что можете к ним не обращаться.

Я закашлялась. Доктор удержал флакон подальше от моего лица.

— Всё. Хватит. Больше не дам. Сегодня я особенно жадный.

Я облизнула губы. На них остался горький привкус.

— Оно поможет?

— Честно? Не знаю. Но я пока пытаюсь работать с симптомами. И вы для этого идеально подходите.

Сил ругаться не осталось. Я просто лежала. Слушала колёса. Копыта. Собственное хриплое дыхание. Скрип дерева. Где-то снаружи кричала птица — одиноко, протяжно, будто тоже кого-то потеряла.

А потом Доктор перестал шутить.

Глава 29

Доктор больше не разговаривал. Он взял книгу. Сделал несколько записей тонким пером, макая его в крошечную чернильницу. Потом посмотрел на часы. На мою шею. Снова на часы.

Я физически почувствовала его взгляд.

— Повернитесь на бок.

— Зачем?

— Хочу проверить ещё одну реакцию.

Я с трудом повернулась. Рёбра тут же отозвались болью. Доктор придержал меня за плечо и приподнял край повязки на спине. Холодный воздух коснулся зудящей кожи.

Несколько секунд он молчал.

— Ну?

Он снова закрыл спину тканью и поправил повязку.

— Реакция держится.

— Это хорошо? — спросила я, не понимая, что он делает.

— Это значит, что реакция держится. Посмотрим.

— На что? — спросила я, понимая, что он чем-то озада-

чен.

Доктор не ответил. Я проследила за его взглядом. Белая точка мела на коже. Та самая отметка.

Доктор отложил книгу. Подвинул лампу ближе. Золотой свет упал на мою шею, тёплый, мягкий. Пальцы коснулись кожи. Я вздрогнула.

— Не двигайтесь. Вы становитесь всё интереснее и интереснее.

Он стёр грязь вокруг отметки. Замер. Перешёл на другую сторону. Проверил вторую. Его рука остановилась.

Я почувствовала, как сердце ускоряется. Стучит всё быстрее и быстрее, разгоняя кровь по венам.

— Ну скажите, что там? Может, хватит меня мучить?
Молчание.

— Доктор?

Он наклонился ещё ближе. Так близко, что я видела отражение лампы в стёклах его маски.

— Что там?!

Доктор вдруг достал мел. Поставил новую точку. Не дальше по ходу чёрной вены. Ближе. К основанию.

Я не сразу поняла. Потом поняла.

Чернота не дошла до старой отметки. Наоборот. Между белой точкой и концом почерневшего сосуда появился тонкий участок чистой кожи. Совсем небольшой. Толщиной с ноготь. Но он был.

Я перестала дышать.

— Она...

Доктор молчал.

— Она стала меньше? Чернота отступила?

Он провёл пальцем по коже. Снова сравнил. Потом посмотрел на мои ногти. На язык. Взял пробирку с кровью. Чёрные нити внутри всё ещё клубились, но теперь я тоже увидела: их стало меньше. Или мне хотелось так думать.

— Доктор... Я прошу вас. Не надо молчать...

Он медленно поднял голову.

Я ждала улыбку. Насмешку. Очередную ужасную шутку. «Ну вот, мадам, вы портите мою статистику. Как вам не стыдно». «Поздравляю, вы ломаете все мои теории».

Ничего.

За чёрными стёклами маски я впервые почувствовала не холод. Не веселье. Не равнодушие.

Изумление. Настоящее. Чистое. Почти детское. И от этого мне стало страшнее всего. Потому что человек, который не знает, пугает сильнее человека, который знает.

— Что со мной? — прошептала я, чувствуя тревогу в голосе.

Он посмотрел на мою шею. Потом — на край одеяла у плеча, за которым скрывалась повязка. И снова на шею.

Я не поняла, зачем.

Доктор ещё несколько секунд смотрел на меня. Потом тихо, почти восхищённо произнёс:

— Мадам... кажется, чума передумала вас убивать.

Я судорожно вдохнула. Воздух вошёл в грудь легко, без привычного хрипа.

Он наклонился ближе, разглядывая чёрные сосуды так, словно меня самой уже не существовало. Словно я была не женщиной, а задачей, которую ему подбросили.

И добавил с совершенно счастливой интонацией:

— Какая прелесть. Вы только взяли и испортили мне всю статистику смертности!

Глава 30

Я смотрела на него, пытаюсь понять, услышала ли правильно.

Мозг отказывался складывать слова в смысл.

Чума отступала. Нет. Не исчезла. Не растворилась каким-то чудом из крови. Чёрные сосуды всё ещё тянулись по шее, язык наверняка оставался таким же страшным, а слабость никуда не делась.

Но между белой точкой, которую Доктор поставил мелом, и краем чёрной прожилки действительно появилась полоска чистой кожи.

Совсем крошечная. Тоньше нитки. Но раньше её не было.

Я судорожно провела пальцами по шее, пытаюсь нащупать эту границу сама, своими руками, убедиться, что это не бред лихорадки.

— Не трогайте, не чешите, не теребите.

Доктор перехватил моё запястье. Пальцы его были горячими, сухими, и хватка — той самой, точной, без лишнего

усилия.

— Я хочу убедиться.

— В чём? В том, что я нарисовал точку не там? — Он отпустил мою руку и снова придвинул лампу. Золотой свет лёг на кожу тёплым пятном. — Мадам, я иногда совершаю ошибки. Но пока не настолько художественные.

Он наклонился так близко, что длинный клюв маски едва не коснулся моего подбородка. Я чувствовала запах кожи, трав и того сухого, стерильного аромата, который исходил от его одежды. Доктор рассматривал мою шею с тем же сосредоточенным вниманием, с каким ювелир изучает трещину в камне.

Я лежала под одеялом, стараясь не двигаться. И теперь эта необходимость казалась особенно унижительной.

Под одеялом на мне не было ничего. Совсем. Ни платья. Ни сорочки. Ни белья. Только шерстяная ткань, пахнущая дымом и чужими руками, и голая кожа, которая помнила, как холодный воздух коснулся её, пока я была без сознания.

Стоило вспомнить об этом, как жар мгновенно вернулся к лицу. Не лихорадочный. Другой. К счастью, Доктора занимала моя шея. Потом глаза. Потом ногти.

Мои же мысли занимало то, что ещё несколько минут назад он разрезал на мне платье, снял его и успел неизвестно что сделать со спиной, что она теперь чешется.

Я повела плечом. Под повязкой между лопатками снова зачесалось. Не глубоко. По самой коже.

Доктор тут же поднял голову.

— Не трогать! — Его голос показался мне резким.

— Я ничего не делаю, — произнесла я.

— Вы только что подумали сделать. — В его голосе снова появилась насмешка.

Я уставилась на него.

— Вы теперь и мысли читаете?

— Нет. У вас просто очень выразительные плечи. Они двигаются ровно за секунду до того, как рука начинает тянуться к спине. Профессиональная деформация. Я научился предугадывать жесты пациентов.

Он снова коснулся моей шеи. Я замолчала.

Пульс под его пальцами бился быстро, но уже не так тяжело, как раньше. Каждый вдох всё ещё царапал грудь изнутри, однако больше не приходилось буквально проталкивать воздух через сжатое горло.

Я осторожно вдохнула глубже. Получилось. Ещё раз. Боль осталась. Хрипа почти не было.

На глаза навернулись слёзы. На этот раз я даже не пыталась их скрыть. Они потекли по вискам, смешиваясь с грязью и потом, и я просто лежала, дышала и плакала одновременно.

— Что опять потекло из глаз? — спросил Доктор, не отрываясь от наблюдения. Палец его скользнул по краю чёрной прожилки, проверяя, не продвинулась ли она.

— Я... я дышу, — прошептала я, чувствуя, что мне стало

легче.

— Поздравляю. Многие люди занимаются этим всю жизнь и почему-то не считают достижением, — усмехнулся он.

Я засмеялась. Вернее, попыталась. Смех тут же перешёл в кашель, но теперь из горла не хлынула кровь. Я прижала кулак к губам и замерла.

Доктор тоже. Несколько секунд мы оба смотрели на мою руку. Чисто. Ни капли. Ни тёмного мазка. Ничего.

Я медленно разжала пальцы. Ладонь была влажной от слюны, но чистой.

— Крови нет, — удивленно произнесла я, не веря своим глазам.

Глава 31

Он уже тянулся к пробиркам. Пальцы перебегали по стеклу, выбирая нужную.

— Рано радоваться, — проворчал он.

— Вы вообще умеете радоваться вместе с людьми? — Я нахмурилась.

— Разумеется. Я только что очень радовался вашей испорченной статистике. Вы сами были свидетелем этой радости, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Это не считается.

— Тогда нет. Я же сказал. Искать во мне что-то хорошее — бессмысленное и глупое занятие.

Он достал часы. Щёлкнула крышка. Стрелка дрогнула в золотом свете лампы. Доктор снова посмотрел на отметку на

моей шее, что-то записал в книжку и поставил рядом время. Слишком тщательно. Слишком аккуратно для человека, который минуту назад кричал на кучера.

Я следила за пером. За тем, как оно выводит цифры, как ставит точку, как замирает над строкой.

— Вы ожидали этого? — спросила я, понимая, что чувствую себя намного лучше. И никак не могу этого объяснить. Перо остановилось. Всего на мгновение. Но я заметила. Доктор продолжил писать.

— Я много чего ожидаю. Именно поэтому меня так раздражает, когда мир выбирает другие варианты.

— Я спрашиваю про чуму.

— А я отвечаю про мир. Мы оба сегодня немного уклончивы, — протянул он, пока я пыталась осознать, что силы потихоньку возвращаются ко мне.

Он захлопнул книгу. Ответ мне не понравился. Но сил спорить не осталось. Я откинулась на кушетку и закрыла глаза. Дышать было легче. Думать — тяжелее.

Карета качнулась сильнее. Колёса сменили ритм. Дорога стала ровнее, и стук копыт изменился — из глухого, вязкого превратился в звонкий, твёрдый. Брусчатка. Мы въехали на мощёную дорогу.

За стенкой что-то изменилось. Сначала я не поняла что. Потом услышала голоса. Не голоса людей Доктора. Чужие. Много. Слишком много для пустой дороги.

Карета замедлилась.

За окном протяжно закричала женщина. Не от боли. От отчаяния. Так кричат, когда просят, а им отказывают. Почти сразу раздался детский плач. Тонкий, надрывный, тот самый, от которого у меня всегда сжималось горло.

Я повернула голову. Шторка была опущена. Тёмная ткань колыхалась от тряски.

Доктор продолжал складывать инструменты, словно ничего не услышал. Металлический стержень лёг в футляр. Пробирка — в гнездо. Ткань — в контейнер.

— Что там? — встревоженно спросила я, пытаюсь понять, что происходит и откуда эти крики. — Я слышу голоса.

— Тогда зачем спрашиваете?

Я зло посмотрела на него и протянула руку к шторке. Пальцы коснулись плотной ткани.

— Я бы не советовал, — послышался негромкий спокойный голос.

Пальцы замерли.

— Почему?

— Потому что вы голая. Благородная обнажённая дама разъезжает голая в карете. Вы представляете, что о вас подумают? — усмехнулся он. — Хотя, кажется, им есть о чём подумать, кроме вас.

Я медленно отдёрнула руку. Он даже не повернулся. Уложил последнюю склянку в ящик. Закрыв защёлку. Потом добавил совершенно спокойно, тем самым будничным тоном, которым сообщают погоду:

— И потому что на улице холодно. Но, судя по выражению вашего лица, первая причина подействовала убедительнее.

Я натянула одеяло до подбородка, чувствуя, как щёки горят.

— Вы могли хотя бы оставить мне рубашку.

— Мог.

— И что вам помешало? — спросила я, понимая, что осталась совершенно без одежды.

— Она была мокрой, грязной, в крови и провела несколько часов в обществе чумных покойников. Я решил, что ваше целомудрие переживёт потерю рубашки лучше, чем вы — очередное заражение.

— Я уже заражена! Куда уж хуже! — возразила я.

Доктор повернул маску. Чёрные стёкла смотрели прямо на меня.

— Вот именно. Не будем коллекционировать разные инфекции.

Снаружи снова закричали. На этот раз мужчина. Голос был хриплым, сорванным, будто он кричал уже давно.

— Пустите! Ради богини, пустите нас!

Ему ответил другой голос, грубый, усталый:

— Назад!

Послышался удар. Глухой. Короткий. Плач усилился.

Глава 32

Я уже не выдержала. Схватила край шторы одной рукой, второй удерживая одеяло на груди. Ткань скользила по голой

коже, и я прижимала её к себе, как щит.

Доктор вздохнул. Тяжело.

— Если вы выпадете в таком виде из моей кареты, я откажусь объяснять это вашим родственникам, — произнёс он.

— Мне некому объяснять. У меня никого не осталось. Последний мой родственник умер год назад, оставив мне наследство. А муж... Нет у меня больше мужа после того, что он сделал!

Слова вырвались раньше, чем я подумала. На секунду стало тихо. Даже его рука над защёлкой замерла. Даже колёса будто перестали стучать.

Потом Доктор пожал плечом.

— Тогда мне с вами несказанно повезло.

Я отодвинула штору. И забыла про одеяло.

Дорога изменилась. Ещё недавно вокруг тянулись мокрые поля, перелески, редкие фермы с тёмными окнами. Теперь по обе стороны шли люди. Десятки. Нет. Сотни. Они двигались навстречу нам — от столицы. Медленно, тяжело, как двигаются те, кто уже не знает, куда идёт, но знает, что стоять нельзя.

Женщина тащила за руку мальчика лет пяти. На плече у неё висел узел с вещами, второй рукой она прижимала к груди младенца. Младенец не плакал. Это было страшнее, чем если бы кричал.

Рядом старик катил тележку, заваленную одеялами и кастрюлями. Одна кастрюля упала и покатилась по дороге, зве-

ня, но никто не обернулся. Мужчина нёс на спине девушку. Её руки безжизненно болтались у его груди, голова моталась в такт его шагам. Кто-то ехал верхом на тощей лошади. Кто-то толкал ручную тележку, нагруженную доверху. Кто-то просто шёл, глядя в землю.

Все — в одну сторону. Прочь от города.

Я прижала ладонь к холодному стеклу. Оно было ледяным, и кожа на пальцах тут же заныла, но я не убрала руку.

— Они бегут, — прошептала я.

Доктор сел напротив. Медленно. Трость уткнулась в пол кареты.

— Да, — произнёс он, глядя в окно.

— От чумы?

— Было бы странно предположить, что все разом решили прогуляться по сельской местности, укрепив сосуды, — заметил он всё тем же насмешливым голосом, к которому я начала привыкать.

— Но куда?

— Куда угодно. Подальше.

За стеклом промелькнуло лицо женщины. Красное от холода и слёз. Рот открыт. Она что-то кричала нам вслед, но карета уже проехала мимо, и слова растворились в стуке копыт.

— Погодите, муж говорил, что ворота закроются... Получается, их не пустили? — спросила я, не отрывая взгляда от потока людей за окном.

Доктор не ответил.

Я оглянулась. Встречный поток становился плотнее. Две повозки застряли на обочине, одна перевернулась, и из неё высыпались вещи — одежда, посуда, какие-то свёртки. Мужчины вытаскивали из грязи сундук, ругаясь. Рядом женщина сидела прямо на земле и держала за руку неподвижного человека. Его голова была запрокинута. На шее чернели со-
суды.

Я отпрянула от окна.

— Он болен.

— Кто именно? — спокойно спросил Доктор, не поднимая глаз от своих записей.

— Там мужчина. На земле, — встревоженно произнесла я.

— Здесь теперь половина дороги состоит из мужчин, — послышался шелест переворачиваемого листа.

— У него чёрные вены!

Доктор даже не посмотрел. Перо продолжало скрипеть по бумаге.

— О, вы делаете успехи в диагностике, — заметил Доктор, не отрываясь от бумаг.

— Он идёт вместе со всеми!

— Уже не идёт, если сидит на земле.

Я вцепилась пальцами в одеяло. Ткань смялась под ногами.

— Но остальные проходят рядом. Рядом с ним. Мимо.

— Да.

— Они... они заразятся. — Я сглотнула.

Теперь Доктор всё-таки повернулся к окну. Не резко. Медленно. Изменилось что-то неуловимое. До этого он смотрел на болезнь во мне. На одну шею. Одну пробирку. Одного человека, который почему-то не умер. Теперь взгляд за чёрными стёклами скользнул по дороге. По повозкам. По людям. По детям, которых несли на руках. По потоку, который тянулся от столицы в деревни и поместья, как кровь из раны.

Я не видела его глаз, но почувствовала: он начал считать. Не людей. Что-то другое. Расстояние. Скорость. Количество.

Глава 33

— Сколько их? — спросил он. Голос изменился. Исчезла лень. Исчезла насмешка. Осталась сухая, деловая чёткость.

— Что?

Он ударил костяшками пальцев по передней стенке кареты. Окошко открылось, и в щель ворвался холодный воздух, пахнувший дымом и потом.

— Сколько людей прошло навстречу за последнюю милю? Кучер растерялся.

— Господин?

— Приблизительно.

— Да кто же их считал... — Кучер обернулся, оглядывая дорогу. — Человек триста? Может, четыреста. Повозок десятка два. Были и кареты.

— До этого?

— Тоже шли. Но меньше. К вечеру больше стало. Гораздо больше. — Хриплый голос кучера звучал грубо.

— Больные среди них?

Кучер оглянулся ещё раз. Помолчал.

— Видел несколько. Может, с десяток.

— Ворота видишь? Стражу? — спросил Доктор.

— Нет... Ворота вижу, а стражу не вижу, — ответил кучер.

В карете стало очень тихо. Так тихо, что я слышала скрип пера в руке Доктора, хотя он перестал писать.

Доктор медленно откинулся на спинку. Трость качнулась в его руке.

— Прекрасно.

Я уже знала эту интонацию. Она не означала ничего прекрасного.

Где-то впереди ударил колокол. Один тяжёлый удар, низкий, протяжный, от которого задрожало стекло в окне. Потом второй. Третий. Звук прокатился над дорогой, над головами людей, над повозками и полями. На мгновение люди вокруг притихли. Кто-то перестал плакать. Кто-то поднял голову.

Потом колокол ответил с другой стороны. Ещё один. Дальше — третий. Словно весь город невидимо звонил из-за горизонта, и каждый удар добавлял к звуку новый вес.

— Это по умершим? — спросила я.

Доктор прислушивался. Голова его чуть повернулась, будто он считал удары.

— Если да, у звонарей сегодня будет очень насыщенный рабочий день. Но я сомневаюсь, что колокол звонит по умершим.

Шутка прозвучала почти автоматически. Он уже не улыбался голосом. Я слышала это. По тому, как ровно лежали его пальцы на трости. По тому, как он не посмотрел на меня.

Карета поднялась на пригорок. Колёса натужно заскрипели, лошади фыркнули, и я вцепилась в край кушетки.

И я впервые увидела столицу.

Сначала стены. Огромные, серые, растянувшиеся поперёк горизонта, как хребет спящего зверя. Башни с плоскими крышами. Шпили, тонкие и многочисленные, как иглы в подушечке. Крыши, крыши, крыши — черепичные, соломенные, каменные. А над ними — дым. Не одна тонкая струйка из трубы. Несколько тяжёлых чёрных столбов поднимались в небо в разных частях города. Один ближе к восточной стене, густой, жирный. Другой почти в центре, тоньше, но выше. Третий за высокими шпилями храмового квартала, и этот был самым чёрным.

— Что горит?

Доктор приподнял шторку со своей стороны. Посмотрел. Долго.

— Скоро узнаем.

Колокола били всё громче. Дорога пошла вниз, и карета

покатилась быстрее. Я видела, как поток людей вокруг нас густеет, как телеги жмутся к обочине, уступая дорогу, как кто-то падает и его поднимают, как кто-то не встаёт.

И только тогда я увидела вдалеке ворота.

Они были закрыты.

Не просто закрыты. Заперты. Забиты. Перед ними стояла толпа. Огромная. Плотная. Тысячи людей жались к створкам, толкали друг друга, кричали, поднимали детей над головами, чтобы те не были раздавлены. У ворот блестели копья стражи. Чёрные мундиры. Красные нашивки. Кто-то пытался перелезть через ограждение. Его сбросили обратно. Толпа взревела. Звук докатился до кареты глухим, тяжёлым гулом.

Карета замедлилась почти до шага.

Я смотрела и не могла понять. Все эти люди ломились в ворота, умоляя их впустить. Но самым страшным было то, что никто не выходил на их крики.

Глава 34

— Почему ворота не открывают? — прошептала я.

Доктор ничего не ответил. Его пальцы лежали на трости неподвижно. Маска смотрела в окно.

Раздался отчаянный женский крик, протяжный, на одной ноте, будто женщина кричала уже очень долго и не могла остановиться:

— Впустите нас! Мы не больны!

Толпа подхватила. Тысячи голосов слились в один:

— Откройте!

— Впустите!

— Откройте ворота!

А тяжёлые створки столицы оставались закрытыми. И колокола продолжали бить. И дым поднимался. И люди кричали. И мы ехали сквозь всё это — в чёрной карете с золотыми линиями, с красным знаком на дверце, и никто не преграждал нам путь. Никто не кричал нам «назад». Потому что на дверце был знак. И все знали, чей это знак. И все уступали дорогу тому, кто ехал внутрь. Туда, откуда все бежали.

Я медленно опустила шторку. Пальцы дрожали. Одеяло сползло, и холодный воздух коснулся голой кожи, но я не поправила его.

Доктор сидел напротив. Молчал. Смотрел на свои руки.

— Мы едем туда? — спросила я. Тихо. Почти шёпотом.

Он поднял голову.

— Да.

Я сглотнула. Горло болело. Грудь болела. Всё болело. Но почему-то именно сейчас, в этой трясущейся карете, голой под чужим одеялом, глядя на закрытые ворота и тысячи людей, которые не могли войти и выйти, — именно сейчас я почувствовала, что чума отступила. Не потому, что я выздоравливала. А потому, что рядом со мной сидел человек, который ехал туда, откуда бежали все остальные. И не собиравшись останавливаться.

— Вы сумасшедший, — прошептала я.

Доктор чуть повернул голову.

— Это диагноз или уже комплимент? — спросил Доктор.

— Я пока не решила.

Он тихо рассмеялся. И карета поехала туда, где дым застилал небо, где били колокола и где за закрытыми воротами умирал город. Я бессильно откинулась на подушку, чувствуя, как под повязкой что-то продолжает жечь и чесаться.

— Мадам, вы опять чешетесь? — послышался голос, когда я старалась незаметно тереться спиной о простыню. Это приносило хоть какое-то облегчение.

Я приподняла голову. Шея заныла, рёбра отозвались тугой болью, но я всё равно потянулась вперёд, пытаюсь разглядеть, что происходит за окном.

— Что там? — Тут же перевела я тему.

Глава 35

Доктор даже не повернулся. Он уже смотрел в окно, отодвинув край шторы двумя пальцами. Золотой свет лампы падал на его маску, и красные руны горели, будто тлеющие угли камина.

— Судя по звукам, цивилизация, — сообщил он, не отрывая взгляда от того, что творилось снаружи. — Всегда узнаю её по крикам и попыткам друг друга затоптать.

Карета замедлилась. Колёса закрипели, лошади фыркнули, и весь мир вокруг наполнился гулом — низким, тяжёлым, похожим на рокот воды перед тем, как прорвать плотину. Потом карета остановилась, и меня качнуло вперёд. Одежда сползло с плеча, и холодный воздух коснулся голой ко-

жи. Я вцепилась в ткань обеими руками, натягивая её обратно.

За плечом Доктора я разглядела городские ворота. Точнее — то, что возле них творилось.

Перед закрытыми створками стояли десятки повозок. Может, сотни. Тёмные силуэты карет, лошадей, телег, сундуков, узлов. Люди толкались, кричали, пытались развернуть лошадей прямо посреди дороги, и лошади ржали, пятились, били копытами в утопанную землю. Люди требовали впустить их в столицу, и между ними образовалась давка.

Голоса доносились обрывками, перекрывая друг друга:

— Откройте ворота!

— У меня дети! Двое! Младшему три года!

— Я здоров! Посмотрите на меня! Я здоров!

— Уберите от меня этого человека! Он кашляет! Отойдите!

Я вжалась в кушетку. Звуки были повсюду. Не просто крики. Плач. Детский, тонкий, надрывный. Женский, хриплый, сорванный. Мужской, грубый, отчаянный. Всё смешалось в один гул, от которого болела голова и сжималось горло.

Стражники стояли цепью — человек двадцать, в чёрных мундирах с красными нашивками, с копьями и щитами и платками, завязанными на лицах. Но цепь уже разваливалась. Один офицер, высокий, с седыми висками, орал, что никто не войдет в город. Другой, в нескольких шагах от него, моложе, с нашивкой на груди, требовал пропускать тех, у ко-

го есть бумаги. Они кричали друг на друга, и ни один не слушал другого.

Похоже, они сами не понимали, что делать.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет. Не от лихорадки. От понимания, что творится что-то неладное.

— Вы думаете, там тоже чума?

Доктор отпустил шторы. Ткань упала, отрезая нас от внешнего мира, но звуки никуда не делись. Они проникали сквозь дерево, сквозь стекло, сквозь тонкую перегородку между нами и тысячами людей, которые кричали за дверью.

— Там столица, — произнёс он, поворачиваясь ко мне.

— Это не ответ.

— Тогда да. Чума там тоже есть. Полагаю, сейчас она чувствует себя там значительно увереннее городской стражи.

Снаружи кто-то ударил ладонью по дверце. Глухо, требовательно. Потом ещё раз.

— Эй! Разворачивайтесь! Проезда нет!

Глава 36

Доктор замер.

— А вот это уже наглость.

Очень медленно повернул голову к двери. Даже мне стало жаль человека за дверью. Не потому, что Доктор выглядел опасно. Наоборот. Именно потому, что он выглядел спокойно. Совершенно, абсолютно, неестественно спокойно среди всего этого хаоса.

Он взял шляпу с крючка. Надел. Поправил маску, коснув-

шись пальцами края клюва. И открыл дверцу.

Шум ворвался внутрь вместе с холодным ночным воздухом. Он пах потом, лошадиным навозом, дымом и чем-то кислым — страхом, наверное. Страх пахнет именно так, если его достаточно много. Я втянула голову в плечи и прижала одеяло к груди, чувствуя, как холодные пальцы воздуха касаются кожи под тканью.

— Проезда нет! — повторил стражник, и голос его уже звучал менее уверенно. Он был молодым, не старше двадцати, с жидкой бородёнкой и покрасневшим от холода носом, с которого всё норовил съехать платок. Копьё в его руках мелко дрожало. — Ворота закрыты по приказу...

— Чьему? — спросил Доктор.

Он стоял на подножке, возвышаясь над стражником на голову. Плащ распахнулся, и золотая вышивка блеснула в свете факелов.

Мужчина осёкся.

— Что?

— Мне всегда любопытно, когда люди ссылаются на приказы, не называя того, кто их отдал. — Доктор произнёс это негромко, почти лениво, но стражник невольно отступил на полшага. — Приказ чьей подписью скреплён?

Стражник посмотрел куда-то в сторону. На толпу. На товарищей. На свои собственные сапоги.

— Начальника городской стражи, господин.

— Замечательно. Сам-то он где?

Молчание. Толпа за спиной стражника ревела. Где-то заплакал ребёнок. Где-то заржала лошадь.

— В городе, господин. — В голосе стражника послышалась неуверенность.

— А почему не здесь? Тут ведь намного интересней, не так ли? — спросил Доктор.

— Не... не знаю.

Доктор спрыгнул с подножки. Сапоги ударились о землю, и я увидела, как его плащ коснулся грязи, но он не обратил на это внимания. Я попыталась сесть выше, прижимая одеяло к груди. За открытой дверью мелькали факелы, лица, лошадиные морды, чьи-то руки, тянувшиеся к карете.

К нашей карете уже подходил офицер. Тот самый, с седыми висками. Его сапоги хлюпали по грязи, рука лежала на рукояти меча, а на лице было написано раздражение человека, которому за один вечер пришлось принять больше решений, чем за всю предыдущую службу.

— Что происходит? — резко спросил он, останавливаясь в двух шагах от Доктора.

— Я тоже хотел бы это выяснить, — отозвался Доктор, и в его голосе не было ни подобострастия, ни вызова. Только ровная, холодная уверенность человека, который привык, что ему отвечают. — Для начала откройте ворота, чтобы я приступил к выяснению.

Офицер посмотрел на него так, словно не поверил услышанному. Его брови поползли вверх.

— Они закрыты.

— Это я заметил, — спокойно произнёс Доктор.

— Никого не выпускают. И не выпускают. Приказ, — произнёс офицер севшим голосом.

— Теперь будете впускать.

— По какому праву?

Глава 37

Доктор чуть склонил голову. Маска повернулась, и свет факела скользнул по красным рунам.

А потом он сунул руку под плащ.

Я почему-то напряглась. Пальцы вцепились в одеяло. Сердце забилося быстрее, хотя я сама не понимала почему. Доктор не делал ничего угрожающего. Но в этом жесте было что-то окончательное. Что-то, что меняет ход разговора.

Он достал небольшой чёрный футляр. Кожанный, потёртый по краям, с тонкой золотой застёжкой. Раскрыл его и показал офицеру что-то, чего я со своего места не смогла рассмотреть. Только блеснул металл. И на мгновение вспыхнул золотой знак — тот самый, что был на дверце кареты. Раскрытый глаз, перечёркнутый иглой.

Лицо офицера изменилось.

Сначала недоверие. Брови нахмурились, губы сжались.

Потом удивление. Рот приоткрылся. Пальцы на рукояти меча разжались.

А затем он выпрямился так резко, словно ему в спину вставили железный прут. Плечи расправились. Подбородок

поднялся. Рука метнулась к груди в подобии поклона.

— Открыть ворота! — рявкнул он, повернувшись к стражникам. Голос его сорвался, и он повторил тише, но страшнее: — Открыть. Немедленно. Но впустить только одну карету!

Стражники замерли. Копья дрогнули.

— Но господин... У нас приказ...

— Я сказал открыть!

— У нас приказ начальника стражи!

— У вас теперь другой приказ.

Толпа загудела ещё громче. Кто-то закричал, что ворота открываются. Кто-то завопил, что это ловушка. Дети плакали. Лошади рвались из поводьев.

Доктор спокойно закрыл футляр. Щёлкнула застёжка. Он убрал его обратно под плащ и повернулся к офицеру.

— И уберите людей от проезда. Желательно не убивая их. Сегодня мне уже хватило трупов.

Офицер поспешно кивнул. Слишком поспешно. Так кивают те, кто боится, что кивает недостаточно быстро.

Я смотрела на Доктора. На человека, которого ещё минуту назад стража собиралась развернуть вместе со всеми. На человека в маске и плаще, который стоял посреди грязи и криков и одним жестом заставил замолчать офицера.

— Что вы ему показали? — спросила я. Голос вышел хриплым, слабым, но я не стала его прятать.

Он вернулся к дверце и поставил ногу на подножку. Плащ

волочился по грязи. Сапоги были мокрыми до щиколотки.

— Убедительный аргумент.

— Какой?

— Маленький, металлический и крайне полезный в разговорах с людьми, которые любят задавать вопросы.

Я хотела спросить ещё. Что это за знак. Почему офицер побледнел. Кто он такой, что одного взгляда на золотой металл хватило, чтобы заставить открыть ворота, которые держали закрытыми перед тысячами людей.

Но не успела.

Офицер вдруг подошёл ближе. Посмотрел на Доктора. Потом на меня — лежавшую под одеялами внутри его кареты, голую, больную, с чёрными венами на шее и кровавыми губами. И снова на него. На его плащ. На трость. На маску.

На его лице появилось что-то похожее на ужас. Не на страх перед чумой. Другой. Глубже. Уважение, замешанное на панике.

Он быстро поклонился. Спина согнулась, рука метнулась к груди.

— Ваша...

Глава 38

Доктор повернул к нему маску.

Офицер побледнел. И осёкся. Слово, которое он начал произносить, застряло у него в горле, так и не родившись.

— Не надо, — произнёс Доктор. Тихо. Почти мягко. Но офицер дёрнулся, будто его ударили. — Просто откройте во-

рота и уберите толпу. Остальное не ваша забота.

— Да, господин. Сию минуту.

Офицер попятился. Развернулся. Пошёл прочь, и сапоги его хлюпали по грязи всё быстрее и быстрее, будто он боялся, что Доктор передумает и окликнет его обратно.

Доктор постоял ещё несколько секунд. Посмотрел на толпу. На ворота. На стражников, которые уже расталкивали людей, освобождая проезд. Потом повернулся ко мне.

Я лежала, прижимая одеяло к груди, и смотрела на него снизу вверх. На его мокрый плащ. На грязные сапоги. На маску, в которой отражались огни факелов.

— Кто вы такой? — спросила я.

Не в первый раз. Но впервые — по-настоящему. Раньше это был вопрос умирающей, которой уже всё равно. Теперь это был вопрос живой женщины, которая вдруг поняла, что не знает, кому обязана своим спасением.

Доктор поставил трость в крепление. Закрыв дверь. Щёлкнул замок. Шум снаружи стал тише, глуше, будто его обернули в ткань.

Он сел напротив. Снял шляпу. Положил на колени.

— Я же ответил, — произнёс он. — Добрый доктор.

— Нет, — прошептала я. — Не добрый. И не доктор. По крайней мере, не только.

Он молчал. Золотой шар под потолком вращался, отбрасывая на стены тёплые, живые тени. Снаружи кто-то кричал. Где-то скрипели ворота. Толпа гудела, как растревоженный

улей.

— Спице, мадам, — произнёс он наконец. Голос был ровным. Усталым. Без шутки. — Завтра вам понадобятся силы.

— На что?

Он посмотрел на меня. Долго. Чёрные стёкла маски не отражали ничего. Ни лампы. Ни моего лица. Только темноту.

— На то, чтобы выжить. По-настоящему. Не в рву. Не в карете. А там, за воротами.

Карета тронулась. Колёса зашкрипели, сдвигаясь с места. Лошади фыркнули. И я почувствовала, как мы проезжаем под чем-то огромным, каменным, тяжёлым. Арка ворот нависла над нами, и на мгновение стало темно. Совсем. Полностью. Будто мы въехали в пасть чего-то древнего и голодного.

А потом темнота кончилась. И в окно хлынул свет.

Десятки факелов. Окна домов. Улицы. Столица.

Я смотрела на неё и не узнавала.

Город, о котором муж говорил как о спасении. Город, за стенами которого, по его словам, ждали королевские маги и лучшие лекари. Город, который должен был нас защитить.

Улицы были заполнены людьми. Не привычным вечерним потоком — беспорядочными толпами. Мужчины, женщины, дети. Кто-то шёл. Кто-то сидел прямо на мостовой. Кто-то лежал, и над ним склонялись другие, и я не могла понять, помогают ему или уже просто ждут.

На углу улицы горел костёр. Вокруг него стояли люди и

грели руки. Не от холода. Я видела их лица. Они грели руки, потому что им было страшно. И огонь был единственным, что напоминало о доме.

Вдоль стен тянулись верёвки, на которых висели простыни. Белые. Много. Слишком много. И на некоторых простынях проступали тёмные пятна, которые не отстираются.

Я отвернулась от окна.

Доктор сидел напротив. Смотрел на меня.

— Добро пожаловать в столицу, мадам, — произнёс он. Тихо. Без насмешки. Без шутки. — Вы уже здесь были?

— Да, была, — хрипло ответила я, не узнавая города.

— О, это замечательное место. Если у нас хватит времени, то мы обязательно навестим местные достопримечательности.

И почему-то именно сейчас, в этой карете, голой под чужим одеялом, глядя на город, который не спас никого из тех, кто в него верил, я почувствовала, что чума отступила не только в моей крови. Она отступила внутри меня. Не потому, что я выздоравливала. А потому, что рядом сидел человек, который не обещал мне безопасности. Не говорил, что всё будет хорошо. Не врал.

Он просто сказал: «Скоро вам понадобятся силы».

И почему-то я ему поверила.

Глава 39

Несмотря на множество людей на улицах, столица встретила нас гнетущей тишиной.

Не той, что бывает ночью, когда город наконец засыпает после долгого дня.

Эта тишина была какой-то тревожной и неправильной. Она существовала клочьями — между далёкими криками, стуком колёс и ударами колокола, который всё ещё бил где-то за крышами. Будто огромный город пытался дышать, но каждый вдох давался ему с трудом, и между вдохами он замирал, боясь, что следующий сделать уже не получится.

Я всё ещё сидела под одеялом, прижимая его к груди. Шерстяная ткань пахла дымом и чужими руками, и каждый раз, когда карета подпрыгивала на выбоине, край одеяла сползал, и холодный воздух касался голой кожи. Я натягивала его обратно. Снова и снова. Пальцы уже онемели от этого движения. Но оно меня успокаивало.

Карета медленно двигалась по улице, которую я прекрасно знала. По крайней мере, раньше я здесь бывала довольно часто.

Я бывала здесь с мужем. Мы ездили по этой дороге к главной площади, останавливались возле лавок, ругались из-за того, что он вечно куда-то торопился, не давая мне рассмотреть витрины и вывески.

После долгого «заточения» в нашей провинциальной резиденции это казалось для меня очень важным.

Здесь торговали цветами — розы, пионы, белые лилии, завернутые в мокрую бумагу. Там стояла кондитерская, где продавали засахаренные каштаны в бумажных кулках.

Очень вкусные, кстати.

Чуть дальше располагался дорогой шляпный магазин, и муж однажды купил мне там серую шляпку с пером, которую я надела всего один раз.

Теперь витрина кондитерской была разбита. Стекло усыпало мостовую, и в нём отражалось серое небо. На двери шляпного магазина крест-накрест лежали две доски, прибитые грубо, наспех, с торчащими гвоздями. А вместо цветов, которые выносили из помещения, возле стены лежал человек.

Сначала я решила, что он спит.

Мужчина сидел, привалившись спиной к каменной кладке. Голова склонилась на грудь, шляпа валялась возле ног, и в ней уже скопилась дождевая вода. Руки лежали на коленях ладонями вверх, будто он просил милостыню даже после смерти.

Карета приблизилась. Я увидела его шею. Чёрные сосуды доходили почти до подбородка, ветвились, расползались по коже, как корни дерева, пробившегося сквозь камень. Чернота покрывала его шею, словно грязь, которую ни с чем не перепутаешь.

— Он мёртв, — прошептала я.

Доктор, сидевший напротив, даже не повернул головы. Он смотрел в своё окно, и пальцы его лежали на набалдашнике трости неподвижно.

— Определённо, да, — спокойно сказал Доктор, словно

чужая смерть его не удивляла.

— Его никто не убирает, — прошептала я, поражаясь такой безалаберности.

На этот раз маска качнулась в сторону окна. Долго. Будто он считал. Не мужчину. А расстояние до следующего тела.

— Это я тоже заметил.

Мы проехали мимо.

Через несколько домов лежала женщина. Лицом вниз, в луже, и подол её юбки потемнел от воды. Ещё дальше — двое. Один был накрыт ковром, но ноги торчали наружу, босые, с посиневшими пальцами. Второй лежал прямо посреди мостовой, раскинув руки, и карета была вынуждена объехать его.

Кучер выругался. Лошади фыркнули, переступая через что-то, чего я не хотела разглядывать.

Колесо попало в выбоину. Меня качнуло, боль полоснула рёбра, и я зашипела, вцепившись в край кушетки. Одеяло сползло, и холодный воздух добрался до плеча.

Доктор тут же посмотрел на меня. Не на окно. На меня.

— Не разваливайтесь, пожалуйста. Вы пока решили, что будете жить. Поэтому прошу придерживаться изначального плана, — с насмешкой заметил Доктор.

— Очень постараюсь не испортить вам карету, — процедила я сквозь зубы.

— Благодарю. Я к ней привязан сильнее, чем к большинству людей.

Раньше я бы возмутилась. Сказала что-нибудь резкое. Потребовала сочувствия. Теперь просто посмотрела в окно. Столица отучала спорить о мелочах.

Дома стояли закрытые. На некоторых ставни были просто захлопнуты, и из щелей не пробивался свет. Другие заколотили досками снаружи, и доски были свежие, светлые, пахнущие смолой. На нескольких дверях красной краской нарисовали круг с перечёркивающей его линией. Краска потекла, и под кругом тянулись длинные алые полосы, будто кто-то плакал кровью.

— Что означает знак? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Заражённый дом, — ответил Доктор. Голос его был ровным, деловым. Он произнёс это так, как произносят диагноз. Без эмоций. Без паузы.

Я повернулась к нему. Одеяло сжалось в кулаке.

— Там люди?

— Возможно.

— Живые?

— Возможно, кто-то ещё жив.

От этого «возможно» кожа покрылась мурашками. Не от холода. От того, что он не знал. Или не хотел знать. Или знал и не считал нужным говорить.

Карета проехала ещё несколько домов. За одной заколоченной дверью что-то ударило изнутри. Раз. Потом ещё раз. Тупо. Глухо. Как кулак по дереву.

Я вздрогнула. Пальцы впились в одеяло.

— Вы слышали? Кто-то пытается выбраться!

— Да.

Удар повторился. Тупой. Слабый. Кто-то находился внутри. Живой. Тот, кто ещё мог поднять руку.

— Там человек! Он жив!

Глава 40

Доктор продолжал смотреть в окно. Его профиль за маской был неподвижен.

— Там много людей.

— Но он стучит! — Я нервничала.

— И что?

Я уставилась на него. На чёрные стёкла, в которых отражалась улица. На красные руны, тускло горевшие в свете лампы.

— Нужно открыть! — убеждала я доктора.

Маска повернулась ко мне. Медленно. Без раздражения. Без насмешки. Только спокойный, ровный взгляд, от которого стало не по себе.

— А потом?

— Что потом?

— Допустим, мы открываем дверь. Внутри десять человек. Семеро больны. Трое пока нет. Выпускаем всех? — спросил он, отклонив голову назад, словно изучая меня.

Я открыла рот. Он не дал ответить.

— Или только здоровых? Как определим здоровых? На

глаз? Вы сегодня неплохо диагностировали чёрные сосуды. Назначить вас главным специалистом по осмотру через заколоченную дверь? — Он смеялся надо мной, а меня это раздражало.

— Не передёргивайте! — возмутилась я.

— Я не передёргиваю. Я спрашиваю. Это просто вопрос. Поэтому будьте так любезны ответить на него.

Снова удар. Теперь тише. Слабее. Будто рука устала.

У меня свело живот. Не от голода. От бессилия помочь какому-то бедолаге.

— Но нельзя просто оставить их там. — В моём голосе звучали одновременно и неуверенность, и мольба.

— Можно, — ответил Доктор. — Даже нужно.

Спокойно. Буднично. Так говорят о том, что сегодня будет ветрено и стоит закрепить шляпу на несколько шпилек. Так сообщают, что чай остыл. От этого слова прозвучало страшнее, чем если бы он кричал.

Я отвернулась. Прижала лоб к холодному стеклу. Оно пахло дождём и пылью. За ним проплывали закрытые двери, заколоченные окна, красные круги.

Несколько минут мы ехали молча. Колёса стучали по мостовой. Где-то далеко кричала женщина. Где-то лаяла собака. Колокол бил. Раз. Два. Три. Не переставая.

На следующем перекрёстке стоял сторожевой пост.

Пустой.

Копья были прислонены к стене, и на древках поблёски-

вали капли дождя. На столе лежала раскрытая книга, и страницы трепал ветер. Глиняная кружка стояла возле края, и в ней ещё виднелось что-то тёмное — чай, наверное. Будто стражник собирался вернуться через минуту. Отошёл. За хлебом. В уборную. К жене.

Но никого не было.

— Где стража? — спросила я, хотя ответ уже проступал в воздухе, как запах, который чувствуешь раньше, чем видишь источник.

Глава 41

Доктор постучал пальцами по набалдашнику трости. Тук. Тук. Тук. Медленно. Задумчиво.

— Хороший вопрос. Я задаю его себе с тех пор, как мы въехали в город.

Карета свернула. И здесь тишина закончилась.

Первое, что я увидела, так это людей. Много.

Очередь тянулась вдоль целого дома. Сначала я не поняла, чего они ждут. Мужчины, женщины, дети стояли плечом к плечу, прижимая к себе корзины, мешки, полотняные сумки. Кто-то кашлял, прикрывая рот ладонью. Кто-то плакал, тихо, без звука, просто стоял и плакал, глядя в землю. Кто-то просто смотрел перед собой тем самым пустым взглядом, который появляется, когда человек устал бояться. Когда страх кончился и осталось только ожидание.

В конце улицы располагалась пекарня. Я помнила её. Раньше оттуда пахло тёплым хлебом и корицей, и муж ино-

гда покупал мне булочку с маком и кремом, пока я выбирала ленты в соседней лавке. Теперь у двери стояли двое мужчин с дубинками. Не продавцы. Охранники.

— Хлеб. — Я наконец поняла, чего они ждут. Голос вышел хриплым, чужим.

— Какое неожиданное открытие, — заметил Доктор, не отрывая взгляда от очереди.

Я не отреагировала. Не могла.

Возле пекарни началась ссора. Женщина держала за руку девочку лет шести и что-то доказывала продавцу, тыча пальцем в дверь. Девочка была худой. Слишком худой для своего возраста. Ключицы выпирали из-под тонкого платья, и пальцы, сжимавшие материнскую ладонь, были белыми от напряжения.

— У меня деньги есть! — донеслось до нас, приглушённое стеклом и расстоянием. — Посмотрите! Я заплачу вдвое! Втрое!

— Нет хлеба! — рявкнул мужчина в дверях. Его лицо было красным, потным, злым. Не от жадности. От страха.

— У вас там корзины! Я вижу!

— Они уже оплачены!

— Мой ребёнок не ел со вчерашнего утра!

Девочка молчала. Просто стояла и смотрела на дверь. Не на мать. Не на продавца. На дверь. Так, будто за ней было что-то, чего ей никогда не дадут.

Мне стало больно. Глупо. Не там, где рёбра. Не там, где

горло и грудь. Глубже. Под всем этим. В том месте, которое не имеет названия, но болит сильнее любой раны.

Я потянулась к дверце. Пальцы коснулись холодной ручки.

Доктор заметил. Разумеется.

— Даже не думайте.

— Я ничего...

— У вас лицо человека, который сейчас начнёт спасать человечество, не вставая с кушетки. Не надо так...

— У меня есть деньги, — произнесла я, хотя сама не верила в эти слова.

— Где?

Я замерла.

Глава 42

Он чуть наклонил голову. Маска повернулась, и в чёрных стёклах отразилась моя собственная физиономия. Бледная. Грязная. С мокрыми волосами и чёрными венами на шее.

— Ах да. Ваш заботливый супруг предусмотрительно облегчил вас от лишнего имущества.

Мне захотелось ударить его. Сильно. По маске. По этой проклятой клювастой маске, за которой прятался человек, говоривший правду с такой точностью, что она резала, как нож.

Потом я вспомнила серьги. Белый платок. Мужа, стоящего возле кареты. Его глаза над тканью. И отдёрнула руку от дверцы.

— Вы можете дать им денег, — прошептала я.

— Могу, — спокойно произнёс Доктор.

— Тогда дайте.

— И что произойдёт? — Он оживился.

Я раздражённо выдохнула. Воздух вышел со свистом, и грудь заныла.

— Они купят хлеб! — возмутилась я, понимая, что он играет со мной в какую-то игру, пока кто-то умирает прямо на улице.

— Которого нет.

— Там корзины! Я видела! — спорила я.

— На несколько десятков человек. А в очереди стоит триста.

Я посмотрела на очередь. Она уходила за угол. Сворачивала. И не кончалась. Сотни. Может, больше. И каждый прижимал к себе пустую корзину или пустую сумку, и в каждом взгляде было одно и то же: голод, усталость и страх, что сегодня не достанется.

Доктор наклонился к окну. Его голос стал тише, деловитее. Без насмешки. Без шутки.

— Дадим деньги одной женщине. Остальные увидят. Через минуту возле кареты будет человек двести. Через две — пятьсот. Через три кто-нибудь решит, что у меня есть хлеб. Через четыре нас начнут разбирать на части, чтобы его найти. А вас, мадам, в вашем нынешнем состоянии, разберут первой. Потому что вы не сможете бежать. И ваше обручаль-

ное кольцо станет чьей-то добычей. Думаю, что его у вас отрежут вместе с пальцем.

Я молчала. Сжимала край одеяла так, что ногти впились в ладонь.

— Вы всегда всё сводите к худшему?

— Нет. Иногда действительность делает это за меня. Я просто успеваю заметить.

Карета двинулась дальше. Я сжала край одеяла и отвернулась. Ненавидела его правоту. Наверное, именно поэтому она так сильно раздражала. Не потому, что он был жесток. А потому, что он был прав, и я ничего не могла с этим сделать.

За следующей улицей послышался звон.

Не колокольный. Стекло. Что-то разбилось далеко впереди. Тонкий, чистый звук, от которого я вздрогнула. Потом ещё раз. И ещё. Будто кто-то шёл по улице и бил окна. Одно за другим. Методично. Не торопясь.

Люди вокруг начали поворачивать головы. В очереди кто-то поднялся на цыпочки, пытаясь разглядеть, что происходит. Женщина с девочкой перестала спорить. Продавец в дверях пекарни выглянул наружу.

Доктор тоже повернул голову. Его пальцы на трости сжались.

Затем со стороны высокого белого храма, чей шпиль виднелся над крышами, донёсся крик. Не один голос. Сотни. Огромный общий рёв прокатился над улицей, над крышами, над очередью, и у меня по спине прошёл холод. Не от лихо-

радки. От звука. От того, что в нём не было слов. Только ярость. Или страх. Или и то, и другое сразу, смешанные в одно, неразделимое.

А следом раздался звон разбиваемых окон. Ближе. Гораздо ближе.

Девочка у пекарни заплакала. Тихо. Без звука. Просто открыла рот, и по щекам потекли слёзы.

Я прижала одеяло к груди и закрыла глаза. Но темнота не помогла. Звук проникал сквозь веки. Сквозь стенки кареты. Сквозь одеяло.

Доктор сидел неподвижно. Смотрел в окно. И молчал.

И это молчание было страшнее любой шутки.

Глава 43

Кучер остановил лошадей сам. Наверное, впервые за всю дорогу — без приказа, без окрика, без привычного «прочь с дороги». Просто натянул поводья, и вороны замерли, перебирая копытами по брусчатке и косясь вперёд, туда, откуда доносился гул.

— Господин доктор... — Голос кучера звучал хрипло, неуверенно. Так говорят с тем, кого боятся разбудить.

Доктор уже открыл маленькое окошко между каретой и козлами. Латунная задвижка щёлкнула.

— Что там такое, друг мой?

— Там... там храм. И толпа возле него, — слышался голос кучера. — Огромная, мой господин!

— Толпу я вижу. Её сложно не заметить, — произнёс Док-

тор, шелестя плащом.

— Может... объехать?

Несколько секунд Доктор молчал. Я слышала его дыхание за маской. Ровное. Спокойное. Будто за окном не ревела толпа, а пели птицы.

— Чтобы не мешать людям передавать заразу друг другу самым быстрым способом? — усмехнулся Доктор. — Куда смотрят стражники? Министры? Градоначальники? На каком основании это столпотворение?

Кучер шумно выдохнул. Плечи его опустились.

— Значит, мы останавливаемся здесь? Я тогда проеду немного... Сколько смогу.

Окошко захлопнулось. Задвижка щёлкнула снова.

Я посмотрела на Доктора. Он сидел напротив, положив обе руки на набалдашник трости, и смотрел в окно. Маска не поворачивалась. Только пальцы — длинные, бледные, без перчаток — слегка постукивали по чёрному дереву.

— Вы специально даёте людям надежду, чтобы потом отнять?

— Иногда, — ответил он, не оборачиваясь. Голос был ровным, почти задумчивым. — Это бодрит. И экономит время. Если человек сразу понимает, что надежды нет, он тратит остаток времени на причитания и нытьё. А если надежда мелькнула и исчезла — он сразу начинает думать.

Карета двинулась вперёд. Колёса закрипели по брусчатке.

Чем ближе мы подъезжали, тем громче становился шум. Не крики. Не отдельные голоса. Гул. Низкий, плотный, вибрирующий, будто сама мостовая дрожала под тысячами ног. К нему примешивался звон металла, треск дерева и что-то ещё — тонкое, протяжное, похожее на плач, но не плач. Скорее, вой.

Храм богини возвышался над соседними домами.

Белый камень, высокие узкие окна с цветными стёклами, позолоченная статуя над входом — женщина с чашей в руках и закрытыми глазами. Я помнила это место другим. Тихим. Торжественным.

Здесь всегда пахло воском и лилиями, здесь проводились свадебные церемонии и даже помолвки.

Люди заходили шёпотом, даже если не верили особенно сильно. Даже те, кто приходил просто постоять в тишине. Муж однажды сердился на меня за то, что я пожертвовала слишком много денег на приют при храме. «Это не твоя забота», — сказал он тогда. А я всё равно отдала. Потому что у приюта была старая женщина, которая вязала одеяла для больных, и мне нравилось думать, что эти одеяла и мои деньги кому-то помогают.

Теперь одна из массивных дверей висела на одной петле, раскачиваясь при каждом порыве ветра. Ступени были забиты людьми. Их было столько, что площадь казалась живой. Она двигалась. Дышала. Ревела.

Голоса доносились обрывками, перекрывая друг друга:

— Вынесите её!

— Покажите реликвию!

— Богиня должна нас защитить!

— Вы прячете её!

— Открывайте хранилище!

Я приподнялась. Одеяло сползло с плеча, и холодный воздух коснулся голой кожи. Пальцы вцепились в дверной проём.

— Какую реликвию? — спросила я, пытаюсь понять, что просят все эти люди.

Доктор смотрел наружу. Маска была неподвижна, но я видела, как его пальцы перестали стучать по трости.

— Судя по всему, магическую. Что-то, во что люди верят достаточно сильно, чтобы ломать двери.

— В храме действительно есть реликвия? — Я удивилась, ведь наше с мужем бракосочетание происходило не здесь, а в его родовом поместье.

— Наверняка есть что-нибудь достаточно дорогое, чтобы назвать реликвией. Золотая чаша, кусок камня, прядь волос. Чем дороже предмет, тем легче убедить толпу, что он волшебный.

Я посмотрела на него. Возмущение поднялось откуда-то из груди, горячее и бессильное.

— Вы вообще верите хоть во что-нибудь? — спросила я, вспоминая статуэтку богини, у которой я неистово просила наследника.

— У меня странная вера. Например, сейчас я верю в плохие решения больших групп людей, — произнёс он, и в его голосе не было ни насмешки, ни веселья. Только усталая констатация. — Это единственная религия, которая никогда не подводит.

Я хотела ответить. Не успела.

Толпа качнулась. Тысячи тел подались вперёд, назад, вбок, как волна, и на мгновение мне показалось, что площадь сейчас захлестнёт карету. Лошади заржали. Кучер выругался.

На верхней ступени появился жрец.

Глава 44

Старик. Худой, с обветренным лицом и седой щетиной на подбородке. Белое церемониальное облачение было разорвано возле плеча, и из-под ткани проступало тёмное пятно. На щеке темнела кровь — свежая, ещё влажная. Двое молодых служителей стояли за его спиной, пытаясь удерживать двери. Их руки дрожали. Один из них был совсем мальчишка, не старше пятнадцати, и его губы шевелились — молился, наверное.

Священник поднял обе руки. Ладони были красными, обветренными.

— Братья! Сёстры! Прошу вас! Успокойте свой разум!

Толпа ответила рёвом. Не словами. Звуком. Таким, от которого у меня заныли зубы.

— Реликвию!

— Вынесите чашу!

— Пусть богиня спасёт нас!

— Она наша! Она принадлежит городу!

Священник пытался перекричать их. Голос его срывался, но он говорил. Говорил, потому что больше некому было.

— Реликвия не лечит чуму!

На площади стало тихо.

Не сразу. Не резко. Словно кто-то повернул невидимый рычаг, и звук начал убывать. Крики стихли. Плач затих. Даже лошади перестали фыркать. Тишина наступала медленно, ключьями, и в ней было что-то страшное. Не покой. Ожидание.

Я почувствовала это даже из кареты. Через стенки. Через стекло. Через одеяло.

Тишина была хуже крика.

Кто-то в толпе спросил. Тихо. Почти шёпотом. Но в этой тишине шёпот звучал громче колокола:

— Что ты сказал?

Священник сглотнул. Я видела, как двигается его горло. Как пальцы сжимаются и разжимаются.

— Чаша — символ благословения. Она никогда не предназначалась для исцеления болезни. Это дар богини для нас, смертных. Она укрепляет веру, связывает судьбы...

— Вы лжёте! — резко перебил его хриплый голос из толпы.

— Нет! Зачем мне лгать?! — растерянно воскликнул

жрец.

— Тогда почему прячете?!

— Потому что вы хотите вынести святыню на улицу и передавать её из рук в руки! — Голос старика дрогнул, сорвался, и он прокашлялся, прежде чем продолжить. — Вы заразите друг друга! Каждый, кто коснётся чаши после больного, понесёт смерть дальше! Прошу вас! Разойдитесь по домам! Заприте двери! Не трогайте друг друга!

Кто-то бросил в него камень.

Я увидела его полёт. Маленький серый предмет мелькнул над головами, описал короткую дугу и ударил священника в грудь. Тихий стук. Почти неслышный за гулом толпы. Но я услышала. И увидела, как старик пошатнулся. Как рука метнулась к облачению. Как пальцы нащупали место удара.

— Прекратите! — закричал один из служителей, тот самый мальчишка. Голос его сорвался на визг. — Не смейте!

В него полетело что-то ещё. Он увернулся. Едва.

Толпа качнулась вперёд. Доктор открыл дверцу.

Звук ворвался в карету — горячий, потный, пахнущий дымом и страхом. Я вцепилась в край одеяла.

— Что вы делаете? — Я перепугалась, видя, как бушует толпа.

Он не ответил. Встал на подножку. Плащ качнулся. Трость он взял с собой.

Глава 45

На площади жрец снова поднял руки. Белые рукава были

испачканы кровью — его собственной или чужой, я не могла разобрать.

— Если вы верите богине, то не превращайте её храм в место убийства! — кричал жрец, пытаясь найти в себе силы.

— Убийства?! — закричала женщина из толпы. Голос её был хриплым, сорванным, и в нём не было ярости. Только боль. — Мой сын умер вчера! Ему было четыре года! Где была твоя богиня?!

— Моя жена умирает!

— Мой ребёнок болен!

— Они всё спрятали! Исцеление только для богатых!

— Там есть лекарство!

Кто-то прорвался на ступени. Потом ещё один. И ещё. Стражи не было. Вообще. Ни одного мундира. Ни одного копья. Только несколько храмовых служителей, слишком молодых, слишком испуганных и совершенно беспомощных перед тысячами людей, которым нечего было терять.

Первый мужчина схватил священника за облачение. Ткань треснула. Старик оттолкнул его. Слабо. Почти ласково.

— Успокойтесь, ради милости богини...

Мужчина ударил. Кулаком. В челюсть. Коротко, тупо, без замаха.

Жрец упал на колени. Голова дёрнулась. Из разбитой губы потекла кровь, тёмная, густая, и он прижал к ней ладонь.

Я вскрикнула. Звук вырвался из меня раньше, чем я успе-

ла его остановить.

— Доктор!

Он уже стоял снаружи. На подножке. Неподвижно. Плащ развевался за спиной, и золотая вышивка тускло поблёскивала в свете факелов.

Толпа рванула на ступени. Служители попытались закрыть двери. Их сбили. Мальчишка упал, и кто-то перешагнул через него, даже не взглянув. Кто-то тащил жреца вниз, за ворот, за рукав, за волосы. Белая ткань мгновенно исчезла среди тёмных рук, тёмных плеч, тёмных спин.

Удары. Один. Второй. Третий.

Я видела только части. Чью-то спину. Поднятый сапог. Белый рукав, мелькнувший и исчезнувший. Лысую голову старика. Кровь. Много крови. На ступенях. На руках. На чьём-то сером и грязном пальто.

— Нет...

Я сама не поняла, когда подалась вперёд. Рёбра пронзило болью, острой, горячей, и я схватилась за дверной проём, чувствуя, как ногти впиваются в дерево. Одеяло сползло до неприличия, и холодный воздух ударил по груди, но мне было всё равно.

— Они его убьют! — кричала я, трясаясь от ужаса.

Доктор стоял возле кареты. Не двигался. Руки висели вдоль тела. Маска смотрела на площадь.

— Сделайте что-нибудь! — задыхаясь, крикнула я.

Я уставилась на него. На чёрные стёкла, в которых отра-

жалась толпа, огонь, кровь.

С площади донёсся крик. Короткий. Оборванный. Жрец попытался подняться. Руки дрожали, пальцы скользили по мокрым ступеням. Он встал на одно колено. Поднял голову. Открыл рот.

Его снова ударили. На этот раз чем-то тяжёлым. Палкой. Или камнем. Голова дёрнулась вбок, и тело упало на ступени. Белое облачение раскинулось вокруг него, как сломанные крылья.

И больше не шевельнулось.

Я застыла. Пальцы разжались. Одеяло соскользнуло на пол кареты. Я сидела, прижавшись спиной к стенке, и смотрела. Не могла отвернуться. Не могла закрыть глаза.

Толпа продолжала кричать. Люди переступали через него. Кто-то наступил на белое облачение и даже не заметил. Кто-то уже дёргал храмовую дверь, тряс её, бил плечом. Женщины рядом опустилась возле жреца, коснулась его шеи и тут же отшатнулась. Отползла на четвереньках. Встала. Пошла прочь, не оглядываясь.

Я поняла. Не надо было слов.

— Он умер...

Доктор молчал.

Я посмотрела на него. На его неподвижные руки. На маску, в которой отражалась площадь. На плащ, который не колыхался, хотя ветер трепал его края.

— Они убили его.

— Да.

— И вы просто стояли! Вы! Дракон! Вы просто смотрели на это!

Он медленно повернул голову. Я не видела глаз. Только чёрные стёкла, в которых дрожал огонь площади. Но мне всё равно казалось, что он смотрит прямо на меня — на бледную, грязную женщину с мокрыми волосами и чёрными венами на шее, которая кричала на него из кареты, пока чело- века убивали в двадцати шагах.

— Мадам, — произнёс он. Голос был ровным. Тихим. Без насмешки. — Когда толпа перестаёт быть людьми по отдельности, разговаривать с ней становится значительно сложнее.

— Значит, вы ничего не сделаете?

— Я этого не сказал.

Он медленно сжал и разжал голые пальцы. Бледные. Горячие. Я видела это даже отсюда.

Потом передал трость подбежавшему помощнику. Тот взял её обеими руками и побледнел.

— Господин...

Доктор поправил край плаща. Простой жест. Будто собирался на прогулку. Будто не стоял перед толпой, которая только что забила старика насмерть.

На площади уже выбивали вторую дверь. Первый удар. Дерево треснуло, и из щели посыпалась труха. Второй. Толпа взревела. Третий. Петли застонали.

Доктор шагнул вперёд, властным движением руки остано-

вив подмогу.

Один.

Без стражи. Без людей. Без оружия. Без перчаток. Без шляпы. Без всего, что отделяло его от мира.

Прямо в толпу.

Глава 46

И я вдруг поняла, что боюсь не за служителей храма. Не за толпу. Не за храм.

Я боюсь за него.

За этого невозможного, саркастичного, холодного человека, который только что стоял и смотрел, как убивают старика. Который не шелохнулся. Который ждал.

Чего?

Я не знала.

Но он шагнул. И площадь, которая ревела, которая била, которая убивала, — замолчала. Не сразу. Не вся. Но те, кто был ближе, те, кто увидел его первым, — замолчали. И обернулись. И отступили.

Потому что по брусчатке шёл человек в чёрном плаще с золотыми рунами. Без оружия. Без свиты. Без страха.

И почему-то именно это было страшнее любого оружия.

Доктор шёл прямо в толпу. Один.

Я ещё несколько мгновений смотрела ему вслед, не понимая, что именно он собирается делать. Он оставил трость помощнику. Не позвал стражу. Не приказал своим людям окружить храм. Просто поправил край чёрного плаща и двинулся

к ступеням, на которых лежал мёртвый жрец.

Толпа всё ещё ревела. Кто-то бил в храмовую дверь плечом, и дерево стонало под ударами. Кто-то требовал вынести чашу. Кто-то кричал, что жрецы спрятали исцеление для богатых. И этот крик вызывал больше всего возмущений.

Белое облачение убитого старика мелькало между ногами, и люди переступали через тело, будто оно уже стало частью лестницы.

Я вцепилась пальцами в дверной проём кареты. Дерево было холодным, шершавым, и заноза впиалась в подушечку указательного пальца, но я не разжала руку. Второй рукой я придерживала одеяло.

— Он же один... — прошептала я, и голос мой утонул в общем гуле.

Помощник, державший трость Доктора обеими руками, даже не посмотрел на меня. Его костяшки побелели от напряжения.

— Я бы на вашем месте переживал скорее за толпу, чем за него.

Почему-то это прозвучало не как страх. Как предупреждение. Как констатация факта, который не требует объяснений, но требует смирения.

Доктор дошёл почти до ступеней. Первым его заметил мужчина в сером пальто. Тот самый, который схватил жреца за одежду и ударил его в лицо. На костяшках мужчины ещё темнела кровь — свежая, влажная в свете факелов.

Он обернулся.

— Эй! Ты куда?!

Глава 47

Доктор не ответил. Он просто продолжал идти, и каждый его шаг был ровным, размеренным, совершенно несовместимым с хаосом вокруг.

Мужчина шагнул ему навстречу, расставив руки, будто собирался обнять или ударить.

— Я с тобой разговариваю!

Воздух дрогнул. Это произошло раньше, чем я увидела магию. Жар ударил в лицо даже возле кареты, сухой и резкий, с запахом паленого. Лошади шарахнулись. Одна резко вскинула голову, кучер выругался и натянул поводья, и карета качнулась, больно ударив меня бедром о деревянный борт.

А потом перед Доктором вспыхнула тонкая красная линия.

Она побежала по брусчатке в обе стороны, огибая храм широкой дугой. Между камнями проступил огонь — не высокий, не стена. Всего лишь узкая сияющая полоса, будто кто-то провёл по площади раскалённым лезвием. Свет её был не оранжевым, а кроваво-алым, и тени от него ложились на лица людей зловещими масками.

Толпа невольно отступила. Не вся. Первые ряды подались назад, задние продолжали давить, и образовалась живая, дышащая стена из тел.

Доктор оглядел первые ряды. Маска повернулась медлен-

но, сканируя пространство.

— Правило первое. За черту не переходить. Это вредно для здоровья.

Он произнёс это негромко. Никакой угрозы. Никакого крика. Просто сообщил новое правило, которое ужасно не понравилось толпе.

Мужчина в сером расхохотался. Смех был хриплым, нервным, и в нём слышалось больше страха, чем веселья.

— А то что?

Доктор повернул к нему маску. Красные руны на клюве тускло блеснули.

— Не советую выяснять. Ещё раз. Это вредно для здоровья.

— Нас здесь сотни! — В голосе послышалась дерзость человека, которому нечего было терять.

Сзади поддержали, и голоса слились в единый рёв:

— Ты кто такой?!

— Вынесите чашу!

— Нас не остановить! Мы тоже имеем право на спасение! Не надо вытирать об нас ноги!

Кто-то снова ударил в храмовую дверь. Дерево затрещало, и сверху посыпалась труха.

А потом через красную линию рванул мужчина с обломком доски в руке. Я успела увидеть его лицо. Красное от возбуждения. Безумное. Уверенное в собственной безнаказанности. Он перепрыгнул огонь. Приземлился на другую сто-

рону. Сделал шаг.

И вспыхнул.

Не одежда. Весь. Сразу.

Красно-золотое пламя сомкнулось вокруг него так быстро, что я не успела даже вдохнуть. Мужчина закричал. Один раз. Дико. Звук этот не был похож на человеческий голос — это был писк мяса, которое превращается в уголь. Он попытался броситься обратно, к своим, но сделал всего два шага и рухнул на колени. Потом лицом на брусчатку.

Пламя погасло. Осталось чёрное тело, скрюченное в неестественной позе. От него поднимался тонкий дымок, и запах палёной шерсти достиг кареты раньше, чем я успела отвернуться.

На площади стало тише. Не тихо. Именно тише. Рёв сменился гудением, как в улье, когда пчёлы чувствуют дым.

Доктор посмотрел на обугленные останки.

— Я предупреждал. Пересечение черты вредит вашему здоровью. А вот и наглядный пример.

Вот и всё. Будто человек не умер у его ног. Будто речь шла о разбитой чашке.

У меня похолодели пальцы. Но толпа ещё не поняла. Не вся. Страх распространяется медленнее, чем огонь.

С задних рядов слышалось:

— Он нас пугает! Не дайте себя запугать!

— Вперёд! Нам нужна чаша!

— Нас больше!

Двое мужчин бросились одновременно. Один перепрыгнул линию. Второй наступил прямо в неё сапогом. Оба вспыхнули. Толпа ахнула — единым, протяжным звуком. Один рухнул почти сразу. Второй пробежал несколько шагов, размахивая руками, и я видела, как огонь обвивает его тело, но при этом не касается никого рядом. Не перекидывается на одежду окружающих. Не ползёт по камню. Не охватывает деревянную дверь храма. Горит только человек. Точно. Выверенно. Будто пламя знало, кого Доктор разрешил ему убить.

Мужчина упал. Крик оборвался. Три обугленных тела лежали за красной чертой.

Доктор медленно поднял голову.

— Нужны ещё примеры? Или обойдёмся этими? Запомните. Я предупреждаю один раз.

Никто не двинулся. Тишина стала плотной, осязаемой.

Он сделал один шаг к толпе. Первый ряд отступил сразу. Второй — следом. Люди начали давить тех, кто стоял позади, и в этом движении была уже не ярость, а животная потребность увеличить расстояние между собой и этим ужасным человеком в чёрном плаще.

— Не толкаться, — произнёс Доктор, напоминая хищника, который выбирает добычу из стада.

И они остановились. Просто остановились.

Я смотрела на площадь, не веря своим глазам. Минуту назад эти люди забили старика до смерти. Они не слышали его

просьб. Не слышали мальчишку-служителя. Не боялись ни богини, ни совести, ни закона, ни друг друга. Доктор провёл на земле линию и позволил троем умереть. Этого оказалось достаточно, чтобы они успокоились.

Он медленно повернул маску к мужчине в сером пальто. На руках того всё ещё была кровь.

— Теперь ваша очередь.

Глава 48

Мужчина вздрогнул, словно его ударили.

— Что? — спросил он с непониманием и отшатнулся.

— Выйдите вперёд. — Доктор поманил его.

— С какой стати? — возмутился мужик, пятясь к толпе.

— Вы первым ударили жреца, показав людям дурной пример, — вкрадчиво произнёс Доктор.

На площади стало совсем тихо. Даже ветер, казалось, затаил дыхание. Мужчина оглянулся. Люди вокруг него отступили, образовав небольшой пустой круг. Он остался один, и одиночество это было страшнее любого огня.

— Я его не убивал! С чего вы взяли, что это я?!

Доктор чуть склонил голову.

— Вы ударили его дважды. Правой рукой. Первый раз — в челюсть. Второй — когда он попытался подняться. Я всё прекрасно видел.

Мужчина побледнел. Кровь отхлынула от лица, оставив кожу серой, как пепел.

У меня по спине медленно прошёл холод. Вот что он де-

лал. Пока я кричала ему: «Спасите!» Пока называла его чудовищем за то, что он стоял и смотрел. Он действительно смотрел. Запоминал. Каждый удар. Каждую руку. Каждое лицо.

Доктор указал дальше.

— Женщина в коричневом платке! — произнёс он внезапно, указав в толпу.

Толпа отступила, а сама женщина дёрнулась, словно её называли по имени.

— Я... я ничего не сделала! Помилуйте... С чего вы решили, что это я? Я просто пришла...

— Второй камень, — чётко произнёс Доктор.

— Нет! Вы ошиблись... Я ничего не бросала... Клянусь вам! — испуганно лепетала женщина.

— Вы бросили в служителя. Промахнулись. Камень ударился о колонну. Этого уже достаточно, чтобы позвать вас сюда.

Она открыла рот, но слова не вышли. Она надеялась, что толпа станет её защищать, но толпа предала её, отойдя ещё немного назад.

Доктор уже смотрел на другого.

— Мужчина у колонны. С разбитым носом. Сюда! Живо!

Тот начал пятиться, но позади стояли люди, и деваться было некуда.

— Вы ошиблись. Это не я... Я... — блеял мужчина.

— Это я уже слышал. Но зрение меня пока не подводит.

Вы держали жреца за левую руку, пока его били, — произнёс Доктор.

— Я не...

Мужчина вдруг развернулся и побежал.

— Взять.

Только тогда я заметила людей Доктора. Они стояли по краям площади, в тених домов, в проёмах арок. Когда успели подойти? Не знаю. Наверное, пока все смотрели на огонь. Один перехватил беглеца за ворот, дёрнул назад и заломил ему руку. Раздался хруст сустава и короткий вскрик.

Доктор продолжал. Голос его был ровным, деловым, лишённым любых эмоций.

— В синем камзоле.

Ещё один шаг вперёд. Ещё один пустой круг вокруг.

— Седой возле лестницы.

Ещё.

— С палкой.

Последний мужчина резко отбросил окровавленное оружие. Оно звякнуло о брусчатку.

Доктор тихо рассмеялся. Смех был коротким, сухим.

— Поздно. Я уже видел.

Через несколько минут перед храмом стояли семеро. Их выстроили в ряд. Плечом к плечу. Я смотрела на них и никак не могла понять, зачем именно в ряд. Чтобы арестовать? Чтобы передать страже? Но стражи поблизости не было.

Мужчина в сером пальто попытался вырваться.

— Вы не имеете права! — вдруг завопил мужчина в сером пальто.

Доктор остановился напротив него.

— Уже имею. Я сам себя наделил правами. Так что спорить бесполезно, — произнёс Доктор.

Мужчина тяжело дышал. Грудь его ходила ходуном, пот стекал по вискам.

— Мы хотели спасти город!

Доктор посмотрел на лежащего возле ступеней жреца. Белое облачение было растоптано, испачкано кровью и грязью.

— Благородный мотив ещё никогда не был оправданием в моих глазах.

Кто-то в толпе нервно хмыкнул. И сразу затих, испугавшись собственного звука.

Доктор перешёл к женщине. Она уже плакала. Слёзы текли по щекам, оставляя светлые дорожки на грязном лице.

— У меня сын умер! — выкрикнула она, и голос её сорвался. — Вы слышите?! Четыре года! Ему было всего четыре! Я хотела чашу! Я хотела спасти остальных детей!

Что-то болезненно сжалось у меня внутри. Я вспомнила детскую рубашку во рву. Синюю ладошку под серой простыней.

Доктор несколько мгновений молчал. Маска была неподвижна.

— Вашего сына мне жаль. Очень жаль.

Женщина подняла голову. Я тоже посмотрела на него. Не

ожидала. Но продолжил он всё тем же ровным голосом:

— А смерть вашего ребёнка не дала вам права убивать чужого отца!

Женщина закрыла лицо руками. Плечи её затряслись. Доктор пошёл дальше. Мужчина с палкой уже дрожал. Колени его подгибались.

— Я его всего один раз ударил. И то чуть-чуть... Я не хотел убивать!

— А что хотели?

Мужчина растерялся. Глаза его бегали, ища ответ, которого не существовало.

— Я... не знаю. Отпустите... У меня жена больная... Пожалуйста...

— Очень веская причина ударить человека палкой по голове.

— Я был в ярости! Я не соображал! У меня жена! Дети!

Доктор повернул маску к мёртвому жрецу.

— У него, возможно, тоже. Хотя вера ему это запрещает, но кто здесь без тайны? Не так ли?

Мужчина заплакал. Тихо, беззвучно, и слёзы капали на брусчатку.

И именно тогда мне стало по-настоящему страшно. Не из-за огня. Не из-за маски. Доктор не злился. Не мстил. Не наслаждался их страхом. Он был совершенно спокоен. Так же спокоен, как тогда, когда рассматривал мою кровь. Проверил. Сравнил. Сделал вывод.

К площади наконец пробились стражники. Восемь человек. Они бежали со стороны переулка, расталкивая последних людей, и остановились перед огненной линией, тяжело дыша.

Поздно. Слишком поздно.

Старший стражник переводил взгляд с трёх обугленных тел на выстроенных убийц. Лицо его было красным, потным.

— Что здесь происходит?! — выпалил он, поправляя тряпку на лице.

Доктор повернул голову.

— Великолепно. Стража всё-таки существует. Я начинал сомневаться.

Глава 49

Мужчина покраснел ещё сильнее.

— Господин, вы не можете... Отпустите нас... Я больше так не буду... Клянусь вам... Вот чем вам покляться?

— Какое наказание предусмотрено за убийство? — спросил Доктор, глядя на шеренгу людей. Остальные тоже хотели бы уйти, но люди Доктора окружили площадь со всех сторон.

Стражник осёкся.

— Что? — удивился он, словно не замечая мертвого жреца.

— Мне казалось, вопрос достаточно простой. Или в столице изменились законы, пока я ехал?

Доктор указал на мертвеца, лежащего на ступенях. Тот посмотрел на мёртвого жреца.

— Арест. Потом суд, — произнёс стражник голосом, словно читал устав.

— Где суд? — Доктор осмотрелся по сторонам.

— Что значит где? — удивился стражник.

— Где судья?

Мужчина замялся. Пот стекал по его вискам.

— Суд закрыт второй или третий день. Я точно не знаю,

— стал оправдываться стражник, поправляя тряпку на лице.

— Почему он закрыт?

— Судьи не приходят. Боятся заразы... — выдохнул второй стражник. Сейчас они отчитывались так, как слуги после того, как хозяин обнаружил растрату.

— Прекрасно. Кто принимает решение вместо них? — продолжал Доктор. Его ничуть не возмущало происходящее. Его голос был спокойным и ровным.

Молчание. Стражники переглядывались.

Доктор немного подождал.

— Давайте угадывать. Градоначальник?

Стражник отвёл глаза.

— Мы не получали от него распоряжений несколько дней, — произнёс он. — Поместье градоначальника заперто. И под охраной...

— Мифический начальник городской стражи? Где эта личность, которую сложнее встретить, чем несуществующего единорога? — не без насмешки продолжал Доктор.

— Должен находиться в управлении, — ответил один из

стражников после короткой заминки. Но уверенности в его голосе не прозвучало.

— Должен? Или находится? Это две принципиальные разницы, — пояснил Доктор, обводя толпу взглядом. — А король? Министры? Где они все?

Повисла пауза, которая мне сразу не понравилась.

— Его величество... часть министров и придворные заперлись во дворце. Они приказали магам опечатать дворец заклинаниями. И оттуда не поступало ни одного распоряжения, — произнёс стражник, а второй стражник уже было открыл рот с возмущенным лицом, но тут же умолк, понимая, что против правды не поспоришь.

— Нас как раз отправили туда, чтобы... — продолжил первый стражник. — Но там всё закрыто. И окна, и двери. Мы стучались, но никто не ответил. Они заперлись... И никто не ответил...

Мужчина сглотнул.

Доктор медленно повернулся к семерым. И я вдруг поняла. Поняла раньше них.

— Нет... — прошептала я, осознав, что сейчас будет.

Глава 50

Голос почти не прозвучал. Доктор не мог меня услышать. Но словно почувствовал движение в карете и на мгновение повернул голову в мою сторону. Чёрные стёкла маски отразили огонь.

Мужчина в сером тоже понял. Его глаза расширились.

— Нет! Не надо, господин! Мы не желали зла! Мы просто хотели спастись! Ворота закрыты... Лекарей нет! Сми-
луйтесь!

Доктор перевёл взгляд на своих помощников.

— Отойти.

Они немедленно отступили. На три шага. Потом ещё.
Женщина в коричневом платке надрывно закричала.

— Нет! Нет! Пожалуйста!

Толпа зашевелилась. Теперь люди догадались, что сейчас
будет. Кто-то попытался уйти. Кто-то встал на цыпочки, что-
бы лучше видеть.

Я приподнялась на кушетке, прижимая одеяло к груди.
Боль в рёбрах пронзила тело, но я не обратила внимания.

— Он что? Собирается их убить? — прошептала я по-
мощнику.

И в этот момент Доктор снова повернул голову в сторону
кареты. Услышать меня он не мог: нас разделяли площадь,
толпа и крики приговорённых. Но чёрные стёкла маски на
мгновение оказались обращены прямо ко мне.

— Да, — тихо ответил помощник.

Так просто. Одно слово. Без оправданий. Без колебаний.
У меня пересохло во рту.

— Но... без суда?

— Он считает, что иногда болезнь нужно вырезать, остав-
ляя здоровую ткань, — шепнул помощник.

Доктор уже отвернулся от кареты. Посмотрел на стражни-

ков. Потом на тело жреца. Потом на разбитый храм.

И вот тогда до меня дошло. Я могла считать его поступок правильным. Могла ужасаться. Могла ненавидеть. Это ничего не меняло.

— Поскольку местный суд сегодня испытывает некоторые трудности с присутствием, его обязанности возьму на себя я. Мужчина с палкой рухнул на колени.

— Пожалуйста! Я больше никогда! Клянусь вам...

Доктор посмотрел на него.

— Встать.

— Пожалуйста!

— Не заставляйте людей вас поднимать. У них и без того тяжелый день. Они злые, уставшие, поэтому вряд ли они будут с вами вежливыми. И я их за это не осуждаю, — заметил Доктор.

Помощники поставили мужчину обратно. Грубо. Быстро. Женщина рыдала.

— Я мать! Вы слышите?! У меня дочь! Она одна останется!

Доктор замер. Всего на секунду.

— Какой приятный провал в памяти. Тогда жаль, что вы вспомнили о ней только сейчас, — отрезал он.

У меня свело живот. Мужчина в сером рванулся.

— Кто дал вам право?! Вы вообще кто такой?!

Доктор повернул голову. И неожиданно рассмеялся. Тихо. Почти весело.

— Кто я? Я добрый Доктор, — заметил он, поправляя маску и плащ. — Поэтому я приговариваю убийц к смерти. Их вина доказана. Мнение заслушано. Суд состоялся.

Он поднял руку.

Огонь вспыхнул. Сразу вокруг всех семерых. Красно-золотая стена сомкнулась так быстро, что мир на мгновение стал огнём. Жар ударил мне в лицо, и я отшатнулась, прижавшись спиной к стенке кареты.

Толпа ахнула одним огромным голосом. А потом начались крики.

Я зажала рот ладонью. Семь силуэтов дёргались внутри пламени. Один мужчина попытался выбежать. Не смог. Огонь словно держал его внутри, не выпуская. Женщина подняла руки к лицу. Мужчина в сером открыл рот в беззвучном для меня крике.

Я отвернулась. Но запах пришёл всё равно. Палёная ткань. Волосы. Что-то сладковатое, мерзкое. Меня затошнило.

Крики оборвались. Слишком быстро.

Я медленно повернула голову. Пламени уже почти не было. Только семь тёмных тел на брусчатке. И три — дальше, за чертой. Десять человек. За несколько минут.

Доктор опустил руку. На площади стояла абсолютная тишина. Я слышала, как с крыши храма капает вода. Как нервно переступает лошадь. Как где-то ребёнок всхлипнул и мать мгновенно прижала его к себе, зажав рот ладонью.

Доктор посмотрел на толпу.

— Ещё желающие убивать людей ради религиозного имущества? Можете сделать шаг вперёд.

Никто не ответил.

— Замечательно. Вакцинация против вандализма и сборищ прошла успешно, — произнёс Доктор. — Дальнейшее распространение лихорадки и паники остановлено.

Он указал на храм. Потом — на людей.

— Вы расходитесь по домам. Не толкаться. Не хватать соседей. Не тащить сюда больных. Не целовать чаши, статуи, дверные ручки и всё остальное, что успели облизать люди до вас. Это негигиенично. И опасно для жизни, как вы уже видели.

Никто не двигался.

Доктор немного склонил голову.

— Итак, поскольку власти в городе больше, пока, реально... выберите нужное слово, которое вам больше по душе, нет, теперь власть в этом городе я.

Все вздрогнули.

— Я закон, порядок, суд, начальник стражи, король и все министры вместе взятые.

Глава 51

Доктор посмотрел на толпу. Медленно. Так, словно пересчитывал. Не людей — что-то другое. Степень их готовности слушать.

— Есть возражения? Шаг вперёд, если есть.

Никто не двинулся. Три обугленных тела лежали за крас-

ной чертой. Ещё семь — возле ступеней. Пахло дымом, горелой тканью и чем-то сладковатым, от чего меня до сих пор мутило. Запах проникал в карету сквозь закрытую дверцу, оседал на языке, забивал ноздри. Я прижала одеяло к лицу, но ткань пахла им же — чужими руками, дымом, страхом.

Доктор подождал. Секунду. Две. Три.

— Нет? Точно нет?

Молчание. Густое, плотное, наполненное тысячей затаённых дыханий.

— Какая неожиданная вспышка здравомыслия.

Он медленно повернулся к стражникам. Те стояли цепью, сжимая копья побелевшими пальцами, и смотрели на него так, будто ожидали, что следующий приказ будет касаться лично их.

— Писать умеете?

Старший растерянно моргнул. Копьё в его руках качнулось.

— Господин?

— Уже начинаю сомневаться. Найдите тех, кто умеет. Мне понадобятся писцы. Много. И перья. И бумага. И кто-нибудь, кто умеет считать быстрее, чем вы моргаете.

Один из людей Доктора сорвался с места и побежал в сторону переулка. Плащ мелькнул между домами и исчез.

Доктор поднял руку. Просто поднял. Ладонь вверх. Пальцы расправлены. И площадь замерла. Не потому, что он крикнул. Не потому, что пригрозил. Просто поднял руку —

и тысячи людей перестали дышать.

— А теперь слушайте все. Я не люблю повторять. Особенно людям, которые уже видели, что происходит с теми, кто плохо воспринимает простые инструкции.

Никто даже не кашлянул. Огонь всё ещё тлел между камнями красной линии, и в его свете лица людей казались вырезанными из тёмного дерева. Красная черта проходила перед ними, словно сама площадь разделилась на две части. Там — город. Здесь — Доктор.

Я сидела в карете, прижавшись спиной к стенке, и смотрела на него через открытую дверцу. Одеяло сползло с плеча, и холодный ночной воздух касался голой кожи, но я не поправила его. Не могла. Не хотела. Не могла отвести глаз от человека, который стоял посреди площади среди десяти трупов и говорил так, будто раздавал указания слугам перед ужином.

Он указал тростью на ближайшую улицу. Набалдашник блеснул в свете факелов.

— Первое. Город будет разделён на санитарные округа, — послышался чёткий голос, не терпящий пререканий.

Тряпка съехала, а стражник открыл рот.

— Но...

— Принесите мою трость. Кажется, без нее меня люди перестали понимать, — приказал Доктор.

Помощник тут же сорвался с места и понес ему трость. Как только трость очутилась в его руках, она медленно по-

вернулась к стражнику. Кончик замер в воздухе, указывая точно в грудь. Мужчина закрыл рот.

— В каждом округе будет свой начальник. Свой лекарь. Своя стража. Своя похоронная команда. Свой лазарет. Свой запас еды и воды. Свой контур наблюдения.

Он постучал тростью о камень. Тук.

— До рассвета границы должны быть нанесены на карту. Тук.

— До полудня их должны знать все. Каждый житель. Каждый стражник. Каждый ребёнок, способный запомнить две улицы. Между улицами сделать кордоны. Пересечение кордона запрещено без особого на то разрешения. Моего. Личного. За своевольное пересечение кордона — смерть.

Тук.

— Никто больше не будет тащить больного через половину столицы, распространяя заразу по дороге. Никто не будет хоронить родственника в чужом округе. Никто не будет бегать от дома к дому в поисках чудодейственного настоя.

Он повернул маску к людям. Красные руны горели тускло, и в этом свете его лицо казалось вырезанным из тени.

— Второе. Дом, в котором обнаружен заболевший, закрывается на карантин.

По толпе прошёл испуганный шум. Кто-то ахнул. Кто-то переступил с ноги на ногу. Женщина возле края площади прижала ребёнка к себе, и мальчик уткнулся лицом ей в плечо.

Доктор даже не повысил голоса. Не изменил тона. Продолжал тем же ровным, деловым голосом, которым перечислял мои симптомы в карете.

— На двери дома, где есть зараженные, ставится красный знак. Внутри входят только лекарь и санитарная команда. Члены семьи остаются внутри до осмотра. Еду доставляют к порогу. Письма передают через окно. Письма из дома не выносятся.

Женщина с ребёнком подняла голову. Голос её был тонким, дрожащим.

— А если мы не скажем? — выкрикнул кто-то из глубины толпы. Мужской голос. Хриплый.

Доктор сразу нашёл глазами говорившего. Маска повернулась, и я видела, как мужчина в толпе вжал голову в плечи.

— Что именно?

— Ну... если человек заболел. Но мы не уверены. Вдруг просто простуда? Вдруг пройдёт?

— Тогда придёт лекарь и скажет, что это простуда. Бесплатно. В тот же день, — спокойно продолжал Доктор.

— А если не позвать?

Доктор чуть склонил голову. Движение было почти ласковым. Почти.

— Тогда вы сознательно подвергнете опасности соседей. Детей. Стариков. Всех, кто дышит тем же воздухом, что и ваш больной. И свою драгоценную жизнь, а я в последнее время очень нервный, знаете ли.

Пауза. Долгая. Тяжёлая.

— И я сочту, что у вас появилось горячее желание добровольно вступить в похоронную команду. До окончания мора. С тройной оплатой. Но без права отказа.

Мужчина побледнел. Даже в темноте я видела, как побледнел.

Больше вопросов не было.

Глава 52

— Третье. Лазареты.

Доктор повернулся к храму. К разбитой двери. К ступеням, на которых ещё лежал мёртвый жрец.

— Храмовые приюты. Пустующие казармы. Монастыри. Большие склады. Покинутые поместья и лавки. Всё, что можно быстро переоборудовать, переоборудовать. Койки. Одежда. Чистая вода. Отдельный вход для больных. Отдельный выход для выздоровевших.

Старший стражник осторожно спросил, и голос его звучал так, словно он ступал по тонкому льду:

— Людей заставлять туда идти?

— Нет.

Я удивлённо посмотрела на него. После всего, что видела. После огня. После десяти тел. После того, как он сжёг семейных без суда. — Нет?

Доктор продолжил, и в его голосе не было ни мягкости, ни жестокости. Только расчёт. Холодный, точный, выверенный.

— Человек, который пришёл сам, получает койку, пищу

и лечение. Бесплатно. Без вопросов.

Он помолчал. Дал словам осесть.

— А тот, кто выйдет оттуда живым, получит деньги и новую одежду. Неплохую. Не лохмотья. Так что у вас будет стимул выздороветь.

По толпе прошёл совсем другой шум. Теперь уже удивлённый. Не испуганный. Удивлённый.

— Деньги давать будут? — переспросил кто-то. Женский голос. Неверие.

— Да, за каждого чумного в лазарете полагается компенсация. Так что если вы заболели, но боитесь оставить родственников без пропитания, вам стоит направиться к лазарету. Представляете? Оказывается, иногда людей можно заставить поступать разумно не только угрозой сожжения.

Кто-то нервно рассмеялся. Короткий, сдавленный звук. Доктор повернул к нему маску. Смех исчез, будто его оборвали.

— Четвёртое. Мёртвые.

Теперь никто не улыбался. Никто не шевелился. Даже ребёнок у груди матери перестал всхлипывать.

Доктор указал тростью вдоль улицы. В ту сторону, где я видела мужчину возле стены кондитерской. Женщину лицом вниз в луже. Ноги, торчащие из-под ковра.

— Через два часа я не хочу видеть на главных улицах ни одного тела. Ни на площадях. Ни у храмов. Ни на ступенях. Нигде.

Стражники переглянулись. Старший сглотнул.

— Но людей не хватает...

— Значит, все, кто посмел собраться здесь, будут убирать трупы с улиц. Это моё вам наказание. Раз уж вы так не боитесь заразиться, собравшись кучкой, то трупы на улице вас тоже не должны напугать. В случае отказа — смерть.

Доктор повернулся к помощнику. Голос стал деловым, сухим, лишённым всякой театральности.

— Похоронным командам — тройная оплата. Ежедневно. Не в конце недели. В руки.

— Да, господин.

— Тем, кто работает с заражёнными телами, — питание за счёт города и защитная одежда. Маски. Перчатки. Плащи. Всё, что необходимо.

— Да.

— Тела не возить через всю столицу. Каждый округ избавляется от своих мёртвых сам. Сжигание на месте. Или захоронение за пределами жилой зоны. Выбрать зону для уничтожения трупов. В каждом округе.

Трость снова ударила по камню. Тук. Звук был резким, окончательным.

— Никаких похоронных шествий и процессий.

В толпе кто-то возмущённо вдохнул. Старуха в чёрном платке перекрестилась.

— Никаких прощаний у открытого гроба. Никаких сотен родственников, которые сначала целуют покойника, а через

несколько дней составляют ему компанию. Никаких поминок с общим котлом и общей чашей.

Никто не возразил. После того, что произошло возле храма, даже самые набожные предпочитали молчать. Старуха опустила руку и отступила на шаг.

— Пятое. Мародёры.

Вот теперь в его голосе появилось что-то другое. Не громче. Не злее. Холоднее. Будто температура воздуха упала на несколько градусов.

— Чужие дома не трогать. Вещи умерших не брать. Украшения с покойников не снимать. Замки не вскрывать. Подвалы не обыскивать.

У меня внутри всё сжалось. Перед глазами на мгновение появился белый платок. Материнское кольцо. Бриллианты, исчезающие в кармане мужа. Пальцы, обёрнутые батином, чтобы не коснуться кожи умирающей жены.

Доктор продолжал, и голос его был ровным, как лезвие:

— Тот, кого поймают с имуществом из заражённого дома...

Он посмотрел на чёрные следы возле ступеней. На то место, где ещё несколько минут назад стояли семь живых людей.

— Думаю, сегодняшний способ наказания всем понятен.

Глава 53

Понятен был. Очень. Я видела это по лицам. По тому, как люди невольно отводили глаза от обугленных останков. По

тому, как сжимались пальцы на корзинах и сумках.

— Шестое. Хлеб.

Толпа шевельнулась. Это слово действовало сильнее многих угроз. Хлеб. Простое слово. Но в нём было всё. Завтрак ребёнка. Ужин старика. Последняя корка, которую делят на троих.

— Пекарни открываются. Все, которые способны печь.

— Но пекари бегут! — выкрикнула женщина. Та самая, с девочкой. Я узнала её голос. Хриплый, сорванный. — Мы стояли в очереди! Нас не пускали!

— Пекарни переходят в моё личное распоряжение до окончания карантина. Все, кто умеет печь хлеб, а я думаю, многие из вас умеют, поступают на работу в пекарни.

— Но где мы возьмем муку и прочее? — кричали люди.

— Это уже не ваша забота, а моя. Провести перепись населения по округам. Вести учёт всех заболевших. Ровно в полночь отчёт на мой стол. Ясно? Вводится комендантский час. За нарушение — смерть. Разрешаю убивать на месте.

— Так точно, — отрапортовали чёрные маски.

В его голосе снова мелькнула насмешка.

— Кто способен работать, но потерял своё дело, получит другое.

Доктор обвёл площадь взглядом.

— Какое? — спросили из толпы.

— Чистить улицы. Возить воду. Доставлять еду. Укреплять заставы. Строить лазареты. Сжигать заражённые вещи.

Мне совершенно всё равно, чем именно будут заняты ваши руки, пока они заняты не погромами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.